

К происхождению рефлексивных клитик в анатолийских языках

Задача настоящего исследования — установление происхождения лувийских, палайских, лидийских и хеттских возвратных клитик, для которых отсутствовали надежные индоевропейские этимологии. Используя данные лувийского языка в качестве отправной точки, можно показать, что анатолийские возвратные местоимения и частицы повсеместно развились из общеиндоевропейских местоименных клитик дательного падежа. Отдельным результатом работы является доказательство структурной интерференции между хеттским и лувийским языками в доисторический период, повлиявшей на генезис хеттской возвратной частицы $=z(a)$.

Ключевые слова: анатолийские языки, хеттский, лувийский, возвратные местоимения, языковые контакты.

1. Постановка вопроса

Происхождение ваккернагелевских клитик, имеющих функцию возвратных местоимений и частиц в индоевропейских языках древней Малой Азии, остается нерешенной проблемой анатолистики.¹ Со времен Лароша [Laroche 1959: 97] принимается связь между хеттской возвратной клитической частицей $=z(a)$ и лувийской местоименной клитикой $=di$.² Согласно новейшему этимологическому словарю хеттского языка [Kloekhorst 2008: 1019], обе клитики восходят к праанатолийскому $*=ti$, для которого, однако, не предлагается индоевропейских когнатов. В данном случае автор словаря следует почтенной агностической традиции, отраженной в предшествующих работах ряда индоевропейцев. Можно упомянуть в связи с этим признание Э. Ноя: «Die Gemeinanatolische Partikel $*-ti$, auf die heth. $-z$ und “mediopassives” $-ti$ zurückgehen, vermag ich bisher noch

¹ Настоящая статья представляет собой адаптацию одной из глав англоязычной монографии [Yakubovich 2010], дополненную научными результатами последних нескольких лет. В отличие от базовой монографии, ориентированной на профессиональных анатолистов, мы постарались сделать данную работу доступной для исторических лингвистов широкого профиля, в частности, снабдив процитированные примеры морфологической аннотацией. Мы выражаем благодарность С. Ю. Бородаю за черновой перевод английского текста на русский язык. Работа выполнена при поддержке гранта Президиума РАН «Полный аннотированный корпус лувийских текстов» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

² Нет никаких сомнений в том, что фонетическая реализация хеттской возвратной частицы была [ts], как справедливо считают [Kühne 1988] и [Yoshida 2001]. Мы сохранили транслитерацию $=z(a)$ лишь для того, чтобы данный раздел был понятен широкому кругу хеттологов. Следует также отметить, что граница между возвратными местоимениями и частицами, принятая в настоящей работе, является условно-традиционной. Хеттская клитика $=za$ именуется частицей, поскольку она индифферентна к оппозиции по лицу и числу в древнехеттских текстах, тогда как лувийская клитика $=di$ считается местоименной, поскольку сфера ее применения ограничена вторым и третьим лицом единственного числа.

nicht and Indogermanisches anzuschliessen» [Neu 1968: 145] и заключение Эттингера: «Zur Etymologie lässt sich nur sagen dass -z auf uranatolisch *-ti von offenbar sehr ähnlicher Bedeutung zurückgeht. Dessen Herkunft ist unklar» [Oettinger 1997: 412]. В свою очередь, вердикт *non liquet*, отраженный в словаре Клуххорста, способствует дальнейшему распространению агностических взглядов на данную проблему. Так, например, последняя работа, посвященная описанию семантики хетт. =z(a) в типологическом освещении, констатирует: «We do not have a certain knowledge about the etymology of Hittite -z» [Cotticelli Kurras, Rizza 2013: 20].

Подобное положение дел связано не с недостатком интереса к происхождению хетт. =z(a) со стороны анатолистов, а, скорее, с объективными трудностями, касающимися нахождения индоевропейских когнатов постулируемой анатолийской клитики *=ti. Разумеется, можно предположить, что данная анатолийская морфема является индохеттским архаизмом, сохранившимся в анатолийских языках, но утерянным без следа в (узко)индоевропейском праязыке. Однако прежде чем останавливаться на таком радикальном решении, следует проверить правильность предлагаемой анатолийской реконструкции. В частности, можно задаться вопросом о возможности ее модификации с учетом допущения горизонтальных связей между хеттским и лувийским языками в доисторический период. Как известно, Мелчерту [Melchert 2005] удалось обнаружить десятки лувизмов, засвидетельствованных уже в древнехеттских текстах. Возможно ли, что этот список следует дополнить возвратной частицей =z(a)?

Тестом на правомерность данной гипотезы является возможность объяснения лувийского возвратного местоимения =di на индоевропейском материале. Сформулированный таким образом вопрос не мог находиться в фокусе исследователей до недавнего времени, пока лувийская этимология играла в анатолистике подчиненную роль по отношению к хеттской. Прделанный нами анализ, однако, показал, что лув. =di не только выводимо из индоевропейского *=toi (а не **=ti) 'тебе' посредством ряда независимо мотивированных инноваций, но и встраивается в систему других лувийских местоименных клитик, каждая из которых имеет надежные индоевропейские когнаты.

Следуя принципу *obscurum per clarius*, разумно принять лувийское развитие за точку отсчета при обсуждении ситуации в других анатолийских языках. Выясняется, что системы лидийских и палайских местоименных клитик, в той мере, в какой они поддаются описанию, обнаруживают сходную с лувийским эволюцию, хотя и менее симметричны, что затрудняет их анализ. Обращаясь к хеттскому материалу, мы, напротив, обнаруживаем достаточно стройную систему клитических местоимений, однако хетт. =za оказывается сопоставимым с лувийским =di и его индоевропейскими когнатами лишь при условии допущения заимствования из долувийского в дохеттский. Подобное допущение, тем не менее, представляется предпочтительным перед гипотезой об отсутствии исторической связи между данными двумя элементами. В свою очередь, оно ведет к интересным выводам относительно характера доисторических контактов между хеттским и лувийским языками.

Разделы 2, 3 и 4 настоящей статьи посвящены соответственно средствам выражения возвратности в лувийском, ликийском/палайском и хеттском языках. При этом возвратные клитики рассматриваются в общем контексте системы клитических местоимений, что позволяет лучше объяснить их историческое развитие. Поскольку рефлексивные маркеры также обнаруживают вторичные значения, которые не имеют прямого отношения к выражению возвратности, однако важны для их сравнительного анализа, принята попытка функционального описания соответствующих морфем в хеттском и лувийском языках. Раздел 5 посвящен проблемам, связанным с контактами между хетт-

ским и лувийским языками. В частности, построена относительная хронология постулируемого контактного эпизода и релевантных внутриветтских процессов, а также предложен сценарий лингвистической ситуации, обусловившей грамматическую интерференцию между хеттским и лувийским языками в доисторическую эпоху.

2. Развитие возвратных местоимений в лувийском языке

Тексты на лувийском языке периода железного века понимаются лучше, чем материалы бронзового века, и, таким образом, могут стать хорошей отправной точкой для рассмотрения лувийских возвратных местоимений. Система лувийских местоименных клитик периода железного века может быть резюмирована в следующей таблице³:

Таблица 1. Позднелувийские местоименные клитики⁴

	им.	вин.	дат.	дат. возвр.
1 ед.	—	=mu	=mu	=mi / =mu
2 ед.	—	=du > =ru	=du > =ru	=di > =ri
3 ед.	=as (общ.) / =ada (ср.)	=an (общ.) / =ada (ср.)	=du > =ru	=di > =ri
1 мн.	—	=anz(a)	=anz(a)	=anz(a)
2 мн.	—	=mmanz(a)	=mmanz(a)	=mmanz(a)
3 мн.	=ada	=ada	=mmanz(a)	=mmanz(a)

Как видно из таблицы, дейктические клитики первого и второго лица не употребляются в именительном падеже. Анафорические местоименные клитики 3-го лица замещают удаленные (находящиеся за пределами клаузы) антецеденты и употребляются в номинативе, аккузативе и дативе. Следует, впрочем, отметить, что клитика в именительном падеже не может выступать в переходных конструкциях согласно правилу Гарретта — Уоткинса, демонстрируя тем самым феномен «отрицательной» эргативности. Функции так называемых возвратных клитик являются существенно менее тривиальными и подробно описываются ниже⁵.

В противоположность ожидаемому, лувийские возвратные клитики, по-видимому, не замещают прямые дополнения, контролируемые локальными антецедентами (т. е.

³ Все приведенные формы засвидетельствованы в лувийских текстах железного века. По поводу фиксации редких возвратных и невозвратных клитик 2-го лица см. [Morpurgo-Davies 1980/1981: 89, сноска 3]. Формальные особенности лувийских клитик мн. ч. не будут рассматриваться в данном разделе.

⁴ Переход */d/ во флэп /t/ находился, вероятно, в активной стадии в лувийском языке железного века, и его реализация могла зависеть от социолингвистического регистра. Целостную картину сложно оценить, поскольку консервативная запись в иероглифическом письме могла исказить фонетическое распределение между исконными формами и формами, подвергшимися ротацизму. Описание феномена ротацизма в лувийском языке железного века см. у [Morpurgo-Davies 1982/1983]; о его фонетической интерпретации см. [Rieken, Yakubovich, 2010].

⁵ Функциональное разграничение между возвратными местоимениями 1-го и 2-го лица =mi и =di и их в основном невозвратными аналогами =mi и =du было убедительно аргументировано в работе [Melchert 1988: 41—42], в то время как похожее разграничение между формами 3-го лица ед. ч. =di (возвратное) и =du (невозвратное) было принято еще на заре исследований лувийского языка. Однако представленный ниже семантический анализ является нашим собственным.

подлежащими той же клаузы). В данной функции используется перифрастический оборот с существительным *atr(i)*- ‘личность, сам’⁶. Впрочем, в отдельных случаях сходная конструкция может употребляться в сочетании с косвенными дополнениями со значением ‘лично’. Непереходный характер предложения (2) иллюстрируется появлением субъектной клитики =*as*, которая не может сочетаться с переходными глаголами согласно правилу Гарретта — Уоткинса.⁷

(1) MARAŞ 4, § 13–15, Hawkins 2000, I: 257

|wa=tta VIR-dinzi (“PES”)padinzi |ARHA (“MANUS+CULTER”)kwarha
 PTCL=PTCL мужской.ACC.PL.C нога.ACC.PL прочь резать.1SG.PRT
 |(INFANS)niwaranninzi=ba=wa=za | («*474»)ussinassinzi izziha |wa=mi
 ребенок.ACC.PL=a=PTCL=REFL=мы.OBL евнух.ACC.PL делать.1SG.PRS PTCL=1SG.REFL
 |amin (“COR”)atrin abari |BONUS-liyanuwahha
 мой.ACC.SG.C личность.ACC.SG тот.INSTR возвысить.1SG.PRT
 ‘Я отрезал ноги мужчинам, а детей сделал для нас евнухами, и тем самым возвысил себя самого’.

(2) KARKAMIŞ A2, § 5, Hawkins 2000, I: 109

a=w(a)=as amu kattuwaya kar<ka>misizza(URBS) REGIO DOMINUS-ya
 PTCL=PTCL=он.NOM.SG.C я.DAT Катыва.DAT.SG каркемишский.DAT.SG страноправитель.DAT.SG
 “COR”-trin POST-ni anta BONUS-liyatta
 личность.ACC.SG за внутри подняться.3SG.PRT
 ‘Но лично за меня, Катыву, правителя страны Каркемиш, он поднялся’.

В некоторых случаях возвратные местоимения используются для выражения косвенных (дативных) объектов, контролируемых подлежащими той же клаузы. Редкость подобных форм, вероятно, обусловлена лишь природой нашего корпуса, поскольку нам неизвестны другие способы передачи того же значения в лувийском.

(3) MARAŞ 4, § 9–10, Hawkins 2000, I: 256

wa=di=a(da)=tta NEG₂-aha tadis |NEG₂-aha AVUS-has |satta
 PTCL=3SG.REFL=он.ACC.SG.N=PTCL ни отец.NOM.SG ни дед.NOM.SG оставить.3SG.PRT
 |wa=mi=a(da)=tta EGO |TONITRUS.HALPA-pa-CERVUS₂-tiyas sahha
 PTCL=1SG.REFL=он.ACC.SG.N=PTCL я.NOM Хальпарунтия.NOM.SG оставить.1SG.PRT
 ‘Ни мой отец, ни мой дед себе такого не позволяли, но я, Хальпарунтия, себе это позволил».

В значительно большем числе случаев возвратное местоимение маркирует посessor глагольного дополнения, являющийся кореферентным подлежащему. Так, в представленном выше примере (1) возвратная клитика =*mi* дублирует посессивное местоимение *ami(ya)*- ‘мой’ (а не прямой объект *atr(i)*- ‘себя!’), а в приведенном ниже примере (4) эта возвратная клитика замещает утраченное притяжательное местоимение **abass(i)*- ‘его’. Это употребление должно рассматриваться вместе с другими случаями подъема посессора в лувийском, которые, вероятно, имели коммуникативную функцию выведения на передний план (обсуждение теоретических вопросов см. [Mel’čuk 2001: 204–207]). И в

⁶ О значении и этимологии лексемы *atr(i)*- см. [Yakubovich 2002: 194–197; van den Hout 2002].

⁷ Мы принимаем в целом перевод примера (2) согласно новой интерпретации [Melchert 2011], которая, с нашей точки зрения, более убедительна, чем перевод Хокинса, процитированный в [Yakubovich 2002: 195].

случае существительных, и в случае ударных местоимений поднятая составляющая обычно выражается в дативе, как в примере (5). Это распределение также позволяет рассматривать возвратные энклитические местоимения в (1) и (4) как подмножество дативных возвратных местоимений.

(4) KARKAMIŠ A1b, § 2–3, Hawkins 2000, I: 92

a=wa=di amis VIR-dis kwitta kwitta alamanza izzistai
 PTCL=PTCL=3SG.REFL мой.NOM.SG муж.NOM.SG где где имя.ACC.SG перевозносить.3SG.PRS
 amu=ba=wa=tta |BONUS-ssaradi CUM-ní izzistai
 я.DAT=a=PTCL=PTCL почет.INSTR с перевозносить.3SG.PRS
 ‘Где бы мой муж ни перевозносил свое имя, он также перевозносит мое с почетом’.

(5) KULULU 5, § 10, Hawkins 2000, II: 486

wa=du [alamanza ARHA] DELERE-nuntu
 PTCL=он.DAT.SG имя.ACC.SG прочь уничтожить.3PL.IMPV
 ‘Пусть они уничтожат его [имя]’.

Другая большая группа примеров включает случаи, когда лувийские возвратные местоимения не имеют соответствия в логической форме предложения. Насколько можно судить, они используются только в стилистических целях. Так, в примере (6) царь подчеркивает свое намерение извлечь выгоду из установления статуй богов и поэтому использует возвратное местоимение =*m(i)*, в то время как это же местоимение пропущено в похожем контексте (7), где подобное намерение не выражено в явном виде. Данная синтаксическая структура может рассматриваться как подкласс более общего феномена, именуемого индоевропейцами этическим дативом. Он используется в отношении местоимений в дательном падеже, которые не обнаруживаются в структуре аргумента клаузы, но маркируют участника, который, как предполагается, вовлечен в ситуацию на прагматическом уровне⁸. Использование возвратных этических дативов способствует идентификации этого участника с субъектом клаузы.

Развитие местоимений в дативе с возвратной функцией в возвратные этические дативы имеет хорошую параллель в некоторых американских диалектах английского языка, распространенных в основном на Среднем Западе и на Юге, где личные местоимения в косвенных падежах используются с дитранзитивными глаголами для выражения ко-референции между подлежащим и косвенным дополнением (напр., *I bought me a gun* ‘я купил себе пистолет’), но также и с переходными глаголами, не требующими косвенного дополнения (напр., *I ate me a possum* ‘Я съел опоссума’). Примечательно, что возвратное/эмфатическое использование личных местоимений в данных диалектах никогда не распространяется на прямые объекты⁹.

⁸ Ср. следующий латинский пример: *Hic mihi quisquam misericordiam nominat* «Кто-то у меня тут упоминает милосердие» (Саллюстий, *Cat.* 52.11). Этический датив *mihi*, букв. «у меня», отражает возмущение говорящего по поводу ссылки на милосердие. В аттическом диалекте греческого языка этический датив 2-го лица ед. ч. *τοι* был грамматикализован в качестве частицы, использовавшейся в прямой речи с общим значением ‘позволь мне сказать тебе, посмотри’ в тех случаях, когда требовалось специально привлечь внимание собеседника.

⁹ Мы обязаны этой информацией Роду Эдвардсу, жителю Северной Каролины, владеющему одним из таких диалектов, обучавшемуся вместе с нами в аспирантуре лингвистического факультета Чикагского университета.

Вторая группа ограничена некоторыми предельными глаголами, омонимичными глаголам, обозначающим состояния. Единственный глагол из этой группы, который может рассматриваться без обращения к данным внешнего сравнения, — это глагол **asa-* (обычно записывается логограммой SOLIUM). Его значение с возвратной частицей — ‘садиться’, а без нее — ‘сидеть, обитать’¹². Можно предположить, что маркер предельности в примере (11) и других подобных случаях представляет собой дальнейшее развитие возвратных местоимений, так как предельные глаголы ближе к прототипическим транзитивам, чем их стивные аналоги [Hopper, Thomson 1980: 252]. Английское предложение *He thought to himself* ‘он подумал про себя’, которое может быть использовано для описания мыслительного акта человека, но не для его устойчивых убеждений, представляет приблизительную параллель тому, как используются лувийские возвратные местоимения в данной функции.

(11) IZGIN 1, § 2, Hawkins 2000, I: 315

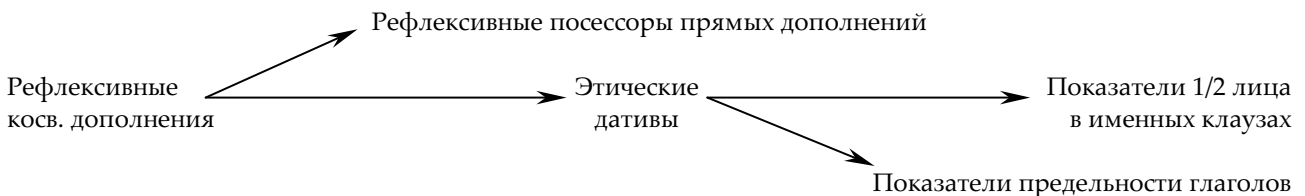
a=wa=mi=tta ami tadi THRONUS-taratti kwi SOLIUM-ha
 PTCL=PTCL=1SG.REFL=PTCL мой.DAT.SG отцовский.DAT.SG трон.DAT.SG когда сесть.1SG.PRT
 ‘когда я воссел на свой отцовский трон...’.

(12) KARATEPE 1, § 24 (Hu.), Hawkins 2000, I: 51

lá-*429-was=wa(URBS) kwadi (BONUS)wariyamalla SOLIUM.MI-i
 Аххиява NOM.SG=PTCL откуда спокойно сидеть.3SG.PRS
 ‘... чтобы Аххиява могла жить мирно’.

Опираясь на представленный выше анализ, поддающееся реконструкции развитие возвратных местоимений в лувийском языке может быть резюмировано в виде следующей древовидной структуры:

Рисунок 1. Развитие лувийских возвратных местоимений

Таким образом, хотя местоимения, функционирующие как возвратные косвенные дополнения, представляют собой лишь малую часть всех клитик =mi/=di, засвидетельствованных в лувийском корпусе, они могут рассматриваться как логическая отправная точка для дальнейших семантических изменений внутри этой группы, что и позволяет называть данные клитики возвратными местоимениями. Следующий шаг заключается в том, чтобы сравнить результаты нашей внутренней реконструкции с системой местоименных клитик, традиционно реконструируемых для праиндоевропейского языка¹³.

¹² Хокинс [Hawkins 1992: 262] убедительно показал, что лув. *miwa-*, сопровождаемое возвратными местоимениями, представляет собой точный эквивалент хетт. =za... *taruh-/tarhu-* ‘побеждать, завоевывать’. К сожалению, значение лув. *miwa-* без возвратного местоимения не может быть точно определено на основе имеющихся контекстов, однако предположение о его семантической близости к хетт. *taruh-/tarhu-* ‘быть могущественным, доминировать’ является достаточно правдоподобным.

¹³ Ср. [Meier-Brügger 2000: 209] и [Fortson 2004: 129–130]. Нас не убедили попытки приписать первичную возвратную функцию *=s- в праиндохеттском. Сравнение между хетт. =se и греч. =hōi ‘ему’ способствует

Таблица 2. Праиндоевропейские клитические местоимения

	вин.	дат.	вин. возвр.	дат. возвр.
1 ед.	*=me	*=moi	*=me (или *=swe?)	*=moi (или *=swoi?)
2 ед.	*=te	*=toi	*=te (или *=swe?)	*=toi (или *=swoi?)
3 ед.	*=se	*=soi	*=swe	*=swoi

Возвратная основа **sw-*, которая несомненно существовала в позднем индоевропейском языке, не имеет, по-видимому, явных аналогов в анатолийских языках. Вне зависимости от того, является это общеанатолийской инновацией или специальные возвратные клитики возникли на стадии праиндоевропейского языка, последовавшей за отделением анатолийской ветви, необходимо признать, что в праанатолийском языке существовали иные средства для выражения кореференции между подлежащим и другими элементами клаузы. Прадувийские возвратные местоимения **=mī* (1-е лицо ед. ч.) и **=tī/=dī* (2/3-е лицо ед. ч.), выполняющие функцию косвенного дополнения, являются прямым фонетическим развитием индохеттских клитик **=moi* ‘мне’ и **=toi* ‘тебе’ соответственно, при этом последующее стяжение долгих гласных в этих формах может отражать общую тенденцию к устранению долгих гласных в индохеттских клитиках¹⁴. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что в древнем диалекте лувийского использование местоименных клитик было распространено также и на те случаи, когда их antecedенты находились в той же клаузе. Это развитие может быть резюмировано в следующей таблице:

Таблица 3. Развитие лувийских клитик ед. ч. (Стадия 1)

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	—	=mu	=mi	→ =mi
2	—	=tu/=du	=ti/=di	→ =ti/=di
3	=as/=ada	=an/=ada	=si	→ =si

реконструкции **=soi* в качестве дативной невозвратной (анафорической) клитики. Тот факт, что рефлексы **=soi* приняли возвратное значение в нескольких ветвях анатолийских и индоевропейских языков, необязательно отражает что-то большее, чем устойчивую типологическую тенденцию к образованию новых возвратных местоимений на основе исконных личных и анафорических местоимений. Если дативное **=soi* было анафорическим местоимением, то невозможно отрицать исконный анафорический статус аккузатива **=se*, принадлежащего к той же парадигме, хотя в данном случае прямые сравнительные свидетельства отсутствуют. Несмотря на то что Коугилл [Cowgill 1965: 169] пытался реконструировать возвратное тоническое местоимение **swé*, соответствующее энклитическому =se, в иранских языках — единственной группе индоевропейских языков, где противопоставлены местоименные основы **=s-* и **sw-*, — отчетливо видно их семантическое различие. Стоит, однако, отметить, что, даже если считать, что **=s-* имело и возвратный, и анафорический статус на самых ранних этапах, поддающихся реконструкции, и тем самым проецировать результаты обсуждаемой ниже Стадии 1 на праиндохеттский, то это никак не повлияет на остальные наши выводы.

¹⁴ Сходным образом, праиндохеттские аккузативные клитики **=me* ‘меня’ и **=te* ‘тебя’ должны, вероятно, рассматриваться как сокращенные варианты ударных местоимений *mé*, *té*. Ср. также греч. частицы *δη* vs. *δε* и *μέν-/μίν* vs. *μεν*. В то же время сокращение лувийских клитик не обязательно нужно проецировать на праиндохеттский или праанатолийский уровень, поскольку остается возможность сокращения безударных долгот в самом лувийском языке. Относительно трудностей квантитативной интерпретации гласных в лувийском языке см. [Якубович 2013: 113].

Мелчерт [Melchert 2003b: 204, сноска 31] предложил сценарий следующей стадии, по поводу которой он пишет: «Появление энклитических форм *-mi*, *-tu* и *-tu* в качестве дативов (в лувийском. — И. Я.) могло ограничить употребление клитик с вокализмом *i*, что привело к их синхронному анализу как возвратных местоимений»¹⁵. Лувийские формы *=mi* (1-е лицо ед. ч.) и *=du* (2-е лицо ед. ч.) должны рассматриваться как рефлексы индохеттских аккузативных клитик **=me* и **=te*, чей вокализм был изменен по аналогии с ударными местоимениями *ami* ‘я’ и *tu* ‘ты’. Слияние в лувийском дативных и аккузативных клитик первого/второго лица находит функциональную параллель в системе именного склонения мн. ч., где в ранний период окончание аккузатива **-ans* > *anz(a)* распространилось на датив. Подобное слияние клитик, однако, не произошло в третьем лице, поскольку здесь имела место более ранняя энклиза указательного местоимения **o-* в номинативе и аккузативе, приведшая к созданию новой анафорической клитики (им. ед. общ. *=as*, вин. ед. общ. *=an* и т. д.)¹⁶. Поскольку у данного местоимения в единственном числе падеж маркировался подобно существительным и прилагательным единственного числа, и оно не имело какого-либо фонетического сходства с косвенной анафорой *=si* ‘ему’, преобразования Стадии 2 не распространились на 3-е лицо.

Таблица 4. Развитие лувийских клитик ед. ч. (Стадия 2)

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	—	<i>=mu</i> → <i>=mu</i>	<i>=mu</i>	<i>=mi</i>
2	—	<i>=tu/=du</i> → <i>=tu/=du</i>	<i>=tu/=du</i>	<i>=ti/=di</i>
3	<i>=as/=ada</i>	<i>=an/=ada</i>	<i>=si</i>	<i>=si</i>

Последнее изменение, которое необходимо принять для объяснения общелувийской стадии, заключается в распространении дативных клитик 2-го лица ед. ч. — как возвратных, так и невозвратных — на 3-е лицо. Очевидно, все лувийские дативные клитики начали характеризоваться оппозицией первого/непервого лица. Мелчерт (личн. сообщ.) полагает, что возможной функциональной мотивацией этого изменения была необходимость устранить оппозицию между возвратными и невозвратными дативными клитиками по всей парадигме ед. ч. Конечно, имелись различные способы добиться той же цели: например, создание аналогической дативной неререфлексивной клитики ***=su*. Тем не менее распространение *=di* и *=du* со второго лица на третье было предпочтительным из-за существования лувийской клитики мн. ч. *-mtanz(a)* ‘вам, им; вам самим, им самим’. В противоположность этому, аккузативная клитика 2-го лица ед. ч. *=tu/=du* не смогла распространиться на третье лицо, поскольку анафорические формы *=an/=ada* ‘ему/ей’ и *=ada* ‘им’ обладали парадигматической поддержкой от номинативных форм той же лексемы. Мы сможем больше сказать об этом процессе при рассмотрении развития хеттских клитик.

¹⁵ Мелчерт приводит здесь лувийские клитики в транслитерации, а не в фонетической транскрипции. Мы знаем, что эта форма подверглась лениции и произносилась как /du/ (vel sim.) в общелувийском на основании того, что согласный никогда не дублируется в лувийской клинописной орфографии и подвергся флэппингу в позднелувийском языке. О феномене лувийской лениции см. [Morpurgo-Davies 1982/3].

¹⁶ Эта новая энклитическая основа была ограничена номинативом и аккузативом во всех анатолийских языках, кроме ликийского и милийского (информация о карийском у нас отсутствует). В ликийском и милийском вторично сформировались инновативный датив *=i* ‘ему/ей’ и пространственное наречие *=ije* ‘здесь, на нем’ [ср. Melchert 2004a: 26–28, 116].

Таблица 5. Развитие лувийских клитик ед. ч. (Стадия 3)

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	—	=mu	=mu	=mi
2	—	=du	=tu/=du	=ti/=di
3	=as/=ada	=an/=ada	=tu/=du ↓	=ti/=di ↓

Клитики первого лица подверглись дальнейшим изменениям в отдельных диалектах лувийского. Позднелувийские надписи свидетельствуют о распространении *=mi* (вместо *=ti*) на возвратные местоимения 1-го лица, как это видно из следующего примера:

(13) KARATEPE 1, § 64 (Hu.), Hawkins 2000, I: 57

wa=mu=tta amanza alamanza anta tubiwi
 PTCL=2SG.REFL=PTCL мой.ACC.SG.N имя.ACC.SG внутрь бить.1SG.PRS
 ‘Я выбью свое имя’.

Система, формируемая на основе текстов бронзового века, происходящих из Киццуватны, соответствует распределению на третьей стадии, хотя в данном случае наши свидетельства фактически ограничены клитиками 3-го лица. Однако при рассмотрении лувийских поэтических фрагментов, инкорпорированных в Истанувские ритуалы, мы сталкиваемся с отклонениями от данного распределения. Клитика *=mi* в примере (14) явно зафиксирована в невозвратной функции¹⁷. С другой стороны, клитика *=mi* также встречается со значением ‘мне самому’ в том же корпусе текстов (15) и может кодировать возвратного посессора, как, вероятно, в примере (16). Принимая допущение, что Истанувские песни отражают единый лувийский диалект (что, впрочем, совершенно не обязательно), придется предположить, что *=mi* и *=ti* были в этом диалекте свободными алломорфами.

(14) KBo 4.11 obv. 54–55, CTH 772.1 (NS), Starke 1985: 341

tussaniyallas=mi ayadar payu halda=mi=tta tuwanta wasu pattu
 A.NOM.SG=я.OBL B.ACC.SG дать.3SG.IMPV C.ACC.PL= я.OBL=PTCL издалика хорошо охранять.3SG.IMPV
 ‘Пусть А подарит мне В, пусть он хорошо сохранит вдалеке² мои С’.

(15) KUB 25.39 iv 7–8, CTH 773 (NS), Starke 1985: 330

Summallanna=mu=r harla parla hwiyatta
 A.NOM.SG=я.OBL=PTCL ADV ADV бежать.3SG.PRT
 ‘Summallanna- бежали от меня harla parla’.

(16) KUB 35.136+ iv 15–16, CTH 773 (NS), Mouton 2008: 257

[za]=mu ^Giluwa za=mu ^Ghilu[wa] [zila a]ruwa awiha
 этот.NOM.PL.N=я.OBL A.NOM.PL этот.NOM.PL.N= я.OBL B.NOM.PL тогда наверх прийти.1SG.PRT
 ‘[Это] мои А, это мои В, я поднялся наверх’.

¹⁷ Ср. также последовательность [(u)]nza=riyan=mi taban в KUB 35.135 iv 7, которая, вероятно, является пассивным предложением ‘Taba- дан мне тобой’.

3. Местоименные клитики в палайском и лидийском языках

Как было показано в предыдущем разделе, последовательная реконструкция лувийской системы местоименных клитик предполагает существование на промежуточной стадии возвратного местоимения 3-го лица *=si*, хотя оно синхронно не засвидетельствовано в лувийском языке и не может быть реконструировано для праиндохеттского. Существование подобного местоимения в некоторых других анатолийских языках оказало бы дополнительную поддержку нашему диахроническому сценарию.

Материалы лувических языков, записанных алфавитным письмом, ничего не добавляют к нашей реконструкции лувийских клитик, что связано как с недостаточной фиксацией релевантных форм, так и с их инновативным характером. Следовательно, нам следует рассмотреть ситуацию в языках, родственных лувическим, а именно в палайском и лидийском. Система палайских клитик ед. ч. (в той мере, в какой она нам известна) может быть резюмирована в следующей таблице¹⁸:

Таблица 6. Палайские местоименные клитики ед. ч.

	им.	вин.	дат.	дат. возвр.
1	—	*=mu	=mu	?
2	—	=du?	=di?, =du?	=di, =si
3	=as/=ad	=an/=ad?	=du	*=si

В таблице отражено наше неполное понимание палайского языка. Формы, отмеченные вопросительными знаками, встречаются в менее ясных контекстах, и их точное значение, таким образом, остается проблематичным. Тем не менее, если мы ограничим наш анализ контекстами, для которых мы имеем полностью адекватную интерпретацию, можно показать, что палайский подвергся инновациям, тождественным лувийской Стадии 1 и Стадии 2, а также частично Стадии 3. Дативная клитика 3-го лица ед. ч. *=tu* 'ему' встречается в хорошо понимаемой клаузе *a=du pīsa* 'Дай это ему!' (KUB 35.165 rev. 24). Это значение *=du* (Стадия 3) сложно объяснить, если не принять более раннее использование данной формы в качестве дативной клитики 2-го лица ед. ч. (Стадия 2), как и полагает Мелчерт [Melchert 1984a: 35].

Но если обратить внимание на местоимения с *i*-вокализмом, можно убедиться, что реализация инноваций Стадии 3 в палайском языке была непоследовательной. Все зафиксированные в нашем корпусе случаи употребления *=di* указывают, по-видимому, на 2-е лицо. Клитика *=di* (*=ti* в традиционной записи) выступает в качестве возвратного этического датива 2-го лица в примере (17) и в качестве субъектного маркера 2-го лица в причастной клаузе во второй части примера (18). В последнем случае данная интерпретация *=di* подтверждается параллельной клаузой *mān=as marhanza* «Если он придет как гость?...» (KUB 35.165 rev. 24), которая встречается в том же ритуале. Неожиданно мы также сталкиваемся с невозвратным значением *=di* 'тебе' в первой клаузе примеров (18) и (19). Карруба [Carruba 1970a: 74; 1972: 28—29] рассматривает эти клитики в двух последних случаях как возвратные этические дативы и, следовательно, оставляет их без перевода. Однако, учитывая тот факт, что мы имеем дело с религиозными обращениями,

¹⁸ Все рассмотренные ниже палайские примеры могут быть обнаружены в транслитерации у [Carruba 1970b].

отсылка к их божественному адресату лучше соответствует контекстам обоих пассажей¹⁹. В случае (18) наша интерпретация также подтверждается параллельной клаузой *a=an=ta tabarnas zibarwā dai takkuwā di* «Табарна сжигает? это для Цибарвы», которая показывает, что глагол *takkuwa-* может встречаться с дополнением в дативе.

(17) KUB 35.165 obv. 15, СТН 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 14

kuisa tū fulasinas kār̄ti a=di aban azzigī
 INDEF.NOM.SG.C ты.OBL A.NOM.SG сердце.DAT.SG PTCL=2SG.REFL тот.ACC.SG.C есть.2SG.IMPV
 'Какой бы А тебе (ни был) по сердцу, тот себе и ешь'.

(18) KUB 35.165 obv. 7—8, СТН 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 14

[x] zabarwasan=pa=ti takkuwā di man=ti marhānza ... e=ba
 A.ACC.SG=PTCL=ты.OBL жечь?3SG.PRS когда=2SG.REFL гостевать.PTCP-NOM.SG.C он.ACC.PL.N
 arie
 поднять.2SG.IMPV
 '(Он, т. е. царь) сжигает? для тебя *zabarwasa-*. Когда ты поможешь как гость? ... заведи их!'.

(19) KUB 35.165 obv. 10—11, СТН 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 14

a=di=tta sirian parinad salikkad
 PTCL=3SG.REFL вверх дуть.3SG.PRT прикоснуться.3SG.PRT
 'Он (табарна) подул и возложил туда (руки) для тебя'.

Основная проблема этой интерпретации заключается в том, что для местоименных клитик 2-го лица необходимо постулировать «обратную» инновацию, аннулировавшую последствия Стадии 2. Мы уже видели, что по структурным соображениям в палайском следует реконструировать **=tu* 'тебе'. Эта проблема усложняется вероятным существованием подобной клитики в другом отрывке, который относится к тому же тексту. Приведенная ниже интерпретация сделана Мелчертом [Melchert 1984a: 35]; он подчеркивает необходимость местоимения 2-го лица в косвенном падеже в предложении, описывающем взаимоотношения между божественным адресатом и заказчиком ритуала. Колебание между *=ti* и *=tu* напоминает аналогичное колебание между *=mi* и *=mi* 'мне' или 'самому себе' в разных диалектах лувийского языка (см. предыдущий раздел). Детали обратного расширения *=ti* остаются неясными, как и в случае с *=mi* в истанувском лувийском, но для наших выводов важно, что не удастся обнаружить распространение *=ti* за пределы 2-го лица ед. ч.

(20) KUB 35.165 rev. 9—10, СТН 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 19

kāni=du=tta kuis anitti mas=ta anīyasi
 такой.ACC.SG.N=он.OBL=PTCL REL.NOM.SG.C делать.3SG.PRS сколько=PTCL делать.2SG.PRS
 anīya=man=ta tabarnani MUNUS²⁰tawanani
 делать.2SG.IMPV=бы= PTCL табарна.DAT.SG тавананна.DAT.SG
 'Сколько ты делаешь (для того) кто делает такое для тебя, сделай, пожалуйста, это для табарны и тавананны!'

¹⁹ Догадка о том, что пал. *=di* функционирует как дативное или возвратное местоимение 2-го лица ед. ч., принадлежит Мелчерту [Melchert 1994: 218]. Мелчерт ссылается на Камменхубер [Kammenhuber 1955: 360ff.] в связи с данной интерпретацией, но в реальности Камменхубер считала *=di* клитическим вариантом номинатива *tī* 'ты'.

Наконец, следует упомянуть предположение Уоткинса [Watkins 1978: 309] о наличии дативной клитики *=*ta*, букв. ‘тебе’, в другом палайском тексте.

(21) KBo 19.153 iii² 4–5, CTH 754 (NS), Carruba 1970b: 23

nū ^dzabarwā sameris sameris halais=ta nī purtahis=ta nī
 вот Цабарва.VOC.SG A.NOM.SG A.NOM.SG B.NOM.SG=PTCL NEG C.NOM.SG=PTCL NEG
 ‘Вот, Цабарва, А, А! В здесь нет, С здесь нет’.

Уоткинс считал =*ta* невозвратной клитикой 2-го лица, поскольку он вслед за Каррубой полагал, что использование =*ti* было строго возвратным, а =*tu* всегда указывало на 3-е лицо. Соответственно, он переводил вторую клаузу как «*halai-* для тебя нет, *purtahhi-* для тебя нет». Контекст совместим с подобной интерпретацией, но не понуждает к ней. Альтернативная возможность, также совместимая с имеющимся контекстом, заключается в том, чтобы рассматривать =*ta* как пространственную частицу. Поскольку существование подобной частицы в палайском установлено на независимых основаниях (ср. примеры (19) и (20) выше), и при этом необходимая ячейка в системе местоименных клитик уже занята =*tu* и =*ti*, мы предпочитаем вторую альтернативу.

Палайская возвратная клитика =*si*, по-видимому, не ограничена конкретным лицом или числом. Отсутствие достоверных фиксаций клитики =*si* (или какой-либо иной возвратной клитики) с субъектами в 3-м лице, вероятно, должно быть списано на волю случая, но у нас имеются ее фиксации в качестве маркера возвратных этических дативов 2-го лица ед. ч. (22–23) и 3-го лица мн. ч. (24). Очевидно, это является инновацией в сравнении с праанатолийским языком, где использование клитической *s-* основы было ограничено 3-м лицом ед. ч. Распространение исконных возвратных местоимений 3-го лица ед. ч. на другие лица и числа является хорошо известным типологическим феноменом, и распространение =*si* в палайском имеет специфическую параллель в старославянском языке, где родственная клитика =*си* функционирует как обобщенный датив-рефлексив.

(22) KUB 35.165 rev. 9, CTH 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 19

lālan=ta kuis tartan marissi mas=pa=si
 язык.ACC.SG=PTCL REL.NOM.SG.C проклятие.ACC.SG сокрушать.2SG.PRS сколько=PTCL=2SG.REFL
 mūsi
 насыщаться.2SG.PRS
 ‘(Ты), что сокрушаешь (злой) язык (и) проклятие, как ты насытишься!’

(23) KUB 35.165 obv. 21–24, CTH 751.1.A (MS), Carruba 1970b: 16

[(nu=ku)] fashullasas ti[ya]az tabarni LUGAL-i pābaz=kuar
 вот=и божественный.VOC.SG.C солнце.VOC.SG табарна.DAT.SG царь.DAT.SG отец.NOM.SG=как
 tī [(ānn)]az=kuar tī iska nu=ssi=am=pi tī
 ты.NOM мать.NOM.SG=как ты.NOM помазать.2SG.IMPV вот=2SG.REFL=ОН.ACC.SG.C=PTCL ты.NOM
 ari nu=ssi=am=pi tī
 поднять.2SG.IMPV вот=2SG.REFL=ОН.ACC.SG.C=PTCL ты.NOM
 ‘О бог солнца, для царя табарны ты как отец, как мать. Помажь ты его (на царство), возвысь ты его!’

(24) KUB 32.18 i. 7, CTH 752.B (MS), Carruba 1970b: 8

[a]dānti ni=ppa=si musānti ahuwanti ni=ppa=si hasanti
 есть.3PL.PRS NEG=НО=2SG.REFL насыщаться.3PL.PRS пить.3PL.PRS NEG=НО=2SG.REFL напиваться.3PL.PRS
 ‘Они едят, но не насыщаются, пьют, но не утоляют жажду’.

Эволюция $=si$ по направлению к обобщенному рефлексиву, вероятно, продолжалась в палайском языке в момент его письменной фиксации. Это видно из того факта, что клитики $=si$ и $=di$ конкурируют во 2-м лице в возвратной функции. Далее, можно предположить, что «обратное» распространение $=di$ на невозвратные формы было стимулировано постепенным вытеснением этой клитики из рефлексивной парадигмы. Тем не менее сохранение ваккернагелевской клитики $=si$ как таковой, контрастирующее с ее полным отсутствием в засвидетельствованных разновидностях лувийского языка, должно рассматриваться как архаизм. Мы реконструировали возвратное местоимение 3-го лица $*=si$ для лувийских Стадий 1–2, и эта реконструкция получает косвенное подтверждение со стороны палайских материалов.

Палайские инновации, соответствующие лувийской Стадии 3, а также дальнейшие изменения в системе палайских клитик резюмированы ниже в таблице. Стоит отметить, что представленная здесь картина не является полной и может подвергаться дальнейшим уточнениям по мере появления новых материалов.

Таблица 7. Развитие палайских местоименных клитик ед. ч.

	им.	вин.	дат.	дат. возвр.
1	—	$*=mu$	$=mu$?
2	—	$=du?$	$=du \downarrow$	$\leftarrow =di$ $=si$
3	$=as/=at$	$=an/=at$	$=du$	$*=si \uparrow$

Прямые рефлексы реконструированной возвратной клитики 3-го лица $*=si$ могут быть обнаружены в лидийском. Ограниченный корпус лидийских текстов не содержит ритуальных обращений или других контекстов, которые требовали бы использования 2-го лица. Наше знание лидийских местоименных клитик ограничено 1-м и 3-м лицом.

Таблица 8. Лидийские местоименные клитики ед. ч.

	им.	вин.	дат.	дат. мн.
1	—	$=m$	$=m$	$=m$
3	$=a\acute{s}/=ad$	$=av/=ad$	$=m\lambda$	$=is/=s, =it/=t$

Лидийская клитика $=m\lambda$ представляет собой вторичное образование, основанное на дативной клитике мн. ч. $=m\acute{s}$ 'им' [Carruba 1969: 44–45]²⁰. Однако другие местоимения, вероятно, являются рефлексам праанатолийских клитик. Алломорфы $=is$ и $=it$ часто используются вместо $=s$ и $=t$ соответственно в позиции ударного слога. Поскольку в лидийском было утеряно большинство конечных гласных (по крайней мере, на письме), клитика $=m$ может быть выведена фонетически как из $*=mi < *=moi$, так и из $*=mi$ ²¹. То же

²⁰ Карруба не предоставил точной пропорции, объясняющей эту аналогию. По нашему мнению, именное окончание дат. ед. -λ и реконструируемое именное окончание дат. мн. $*=s$ (= хетт. -as), должно быть, сыграли ключевую роль в этом развитии (т. е., [(именное) $*=s$ / $*=λ$ = (местоименное) -m\acute{s} / x] → [x = -mλ]). Эта аналогия была впоследствии затемнена распространением окончания род. мн. $*(a)n$ на дат. мн. в лидийском.

²¹ Мелчерт [Melchert 1994: 379] предположил, что конечные *i*-дифтонги сначала стянулись в $*e$ в лидийском, но для нашей деривации возвратного $=t$ необходимо развитие $*=toi > *=ti$. В отсутствие противоположных свидетельств мы будем считать, что существовал «закон конечных гласных», согласно которому *i*-дифтонги стянулись в $*i$ в конечной позиции в лидийском языке.

о тонких стилистических модификациях, которые могло бы придать каждому отдельно-му высказыванию добавление этического датива. Единственная осуществимая задача — это продемонстрировать, что *=is/=ś* не занимало позиции актанта в (27—28) и в подобных предложениях. Только в случае (29) можно пойти немного дальше. Мелчерт [Melchert 1991: 140—141] делает разумное предположение о том, что последняя часть этого заклинания посвящена незаконному присвоению определенных благ. В этом случае *=is* ‘для него самого’, по-видимому, функционирует как возвратный *dativus commodi*.

(27) 10.3—4, Gusmani 1964: 254

dum=mλ=is sellis weśfa=k woraś dacal
 также= он.DAT.SG=3SG.REFL A.NOM.SG живой?.NOM.SG.C=и сын.NOM.SG содействовать?.3SG.PRT
 ‘Также ему содействовали? (чиновник) А и живой? сын’.

(28) 23.18—19, Gusmani 1964: 260

ak=ś qis ēmv ētamv uv bawcvaśod
 PTCL=3SG.REFL REL.NOM.SG.C мой.ACC.SG.C декрет?.ACC.SG переписать?.INF пытаться?.3SG.PRS
 ‘Кто бы ни попытался? переписать? мой декрет?...’.

(29) 24.7—8, Gusmani 1964: 260

ak=mλ=is qis citollad bitaad buk=mλ=is
 PTCL=он.DAT.SG=3SG.REFL REL.NOM.SG.C A.ACC.SG.N применить.3SG.PRS или=он.DAT.SG=3SG.REFL
 fakarsed qik
 отрезать.3SG.PRS INDEF.ACC.SG.N
 ‘Кто бы ни применил? к нему А или ни отрезал что-нибудь от него для себя’.

Во всех случаях, где может быть обнаружено *=is/=ś*, оно, похоже, ограничено субъектом в 3-м лице ед. ч. Совсем не так обстоит дело с возвратной клитикой *=it/=t*, которая также засвидетельствована в предложениях, содержащих предикаты 1-го лица ед. ч. К сожалению, значение предложений (32) и (33) остается совершенно непонятным, но если глагольное окончание *-wv* действительно является отражением анатолийского показателя 1-го лица претерита **-wen* [Melchert 1994: 336, там же ссылки], то этого должно быть достаточно для исключения возможности наличия в этих предложениях субъектов в 3-м лице ед. ч.

(30) 2.2—4, Gusmani 1964: 251

eśś wānaś mru=k bλaso=k=it qid katavil
 этот.NOM.SG.C могила.NOM.SG стела.NOM.SG=и A.NOM.SG.=и=3SG.REFL REL.ACC.SG.N сделать.3SG.PRT
 laqrisa=k=in qid ētoś-rś ak=ad karolid sablālid
 проход.NOM.SG=и=PTCL REL.ACC.SG.N B.3SG.PRT PTCL=он.3SG.N Каров.NOM.SG.N Саблов.NOM.SG.N
 ‘Эта могила, и стела, и А, которую он сделал для себя’, и проход, который они проложили?, это принадлежит Каро, (сыну) Сабла’.

(31) 54.2—4, Gusmani 1964: 268

ak=ad qis fisqānt buk=aś B.3SG.PRS
 PTCL=он.ACC.SG.N REL.NOM.SG.C разрушить.3SG.PRS или= он.ACC.PL.C fēdanoλt
 fak=τ=ad kabrdokid
 PTCL=3SG.REFL=он.ACC.SG.N C.3SG.PRS
 ‘Кто бы ни разрушил или ни fēdanoλ- их, или ни kabrdoki- их для себя?’.

(32) 13.4, Gusmani 1964: 256

kot=τ=in aśfā=k ceswv aśtrkot midatad
(Глоссирование и перевод пока невозможны.)

(33) 13.5, Gusmani 1964: 256

kud=τ=in atvāv nak fasiwv afaλaλ=k
(Глоссирование и перевод пока невозможны.)

Если принять, что лидийское =iτ/=τ < *-ti является когнатом лувийского =di и палайского =ti, то мы должны заключить, что эта местоименная клитика использовалась изначально для 2-го лица ед. ч. Ее распространение на 3-е лицо ед. ч. в возвратной парадигме напоминает Стадию 3, постулируемую для общелувийского. К сожалению, дативные невозвратные клитики 2-го лица ед. ч. и мн. ч. не засвидетельствованы в лидийском корпусе, и, следовательно, мы не можем сказать с определенностью, было ли слияние клитик 2-го и 3-го лица в лидийском систематическим, то есть таким, каким оно было в лувийском языке. Лингвистическая реконструкция, однако, предполагает, что оно, вероятно, было таковым. Лидийская дативная клитика 3-го лица мн. ч. =mś является возможным когнатом хетт. =smas и лув. иер. =mtanz(a), которые функционировали как дативные клитики 2-го и 3-го лица мн. ч.²⁴ Если Карруба прав в анализе лид. =mλ как аналогического образования, основанного на лид. =mś, то было бы разумно ожидать, что дативная клитика ед. ч. =mλ покрывала как 2-е, так и 3-е лицо, подобно ее аналогу =mś. Это, в свою очередь, стимулировало распространение возвратного местоимения 2-го лица =τ на 3-е лицо, хотя данный переход все еще находился в активной стадии в исторический период. Если наши грамматические замечания, касающиеся примеров (32—33), верны, то следует принять, что обобщение =τ в качестве возвратной клитики со временем вышло за пределы 2/3 лица ед. ч., и эта форма проникла в парадигму возвратного местоимения мн. ч. Недостаток релевантных материалов не позволяет нам выявить глубину этого развития²⁵.

Поддающееся реконструкции развитие лидийских клитик ед. ч., которое аналогично лувийской Стадии 3, представлено в таблице ниже:

Таблица 9. Развитие лидийских местоименных клитик ед. ч.

	им.	вин.	дат.	дат. возвр.	
1	—	=m	=m	=m	
2	*—	?	*=mλ	↓ *=iτ/=τ	
3	=aś/=ad	=av/=ad	=mλ	=iτ/=τ	=is/=ś

²⁴ Самая прямая параллель для лидийской формы — это лув. клин. =mtas ‘им’. К сожалению, у нас, похоже, нет свидетельств омонимичного местоимения 2-го лица мн. ч., хотя и эта лакуна в парадигме, безусловно, является случайностью.

²⁵ Распространение возвратных клитик 2/3-го лица ед. ч. на парадигму мн. ч. не должно считаться чем-то необычным с типологической точки зрения, поскольку аналогичный процесс может быть обнаружен в истории хеттского языка (ср. следующий раздел).

4. Происхождение хеттской клитики =za

Синтаксические функции хеттской возвратной частицы =z(a) не были единообразными на протяжении истории хеттского письменного языка. Хотя некоторые функции зафиксированы уже в древнехеттских текстах, другие появились только в среднехеттский период. Хронологическая классификация цитируемых ниже хеттских текстов достигается на основе палеографических и исторических данных, что позволяет нам избежать опасности порочного круга при обсуждении эволюции их грамматических особенностей. Независимое описание функций =z(a), предпринятое в синхронно-типологической парадигме, но в целом не отличающееся по своим выводам от предложенного в данном разделе, можно найти в недавней работе [Cotticelli Kurras, Rizza 2013].

В отличие от лувийского, в хеттском языке частица =z(a) используется с возвратным значением, замещая любые дополнения [Hoffner, Melchert 2008: 358—359]. Ее употребление в функции прямого дополнения засвидетельствовано несколько раз в древнехеттский период, как в примере (34). Эта синтаксическая модель, вероятно, является хеттской инновацией, как считает Боули [Boley 1993: 209]. Показательный пример функционирования =z(a) в качестве возвратного косвенного дополнения в древнехеттском корпусе, похоже, имеет место в (35); хотя здесь мы, возможно, сталкиваемся с копией, сделанной в начале Нового Царства.

(34) KUB 31.143 ii 23, СТН 733.П.2 (OS), Neu 1980: 186

unud=wa=z

украстить.2SG.IMPV=QUOT=REFL

‘Укрась себя!’

(35) KBo 22.2 obv. 13—14, СТН 3 (OH/MS), Otten 1973: 6

nu=zza DUMU.NITA.MEŠ karti=smi piran mēmīr

PTCL=REFL сын.NOM.PL сердце.DAT.SG=3PL.POSS-DAT.SG перед сказать.3PL.PRT

‘Сыновья сказали себе в своих сердцах (т. е. подумали про себя)’.

В большинстве древнехеттских примеров =z(a) функционирует как возвратный этический датив. Боули [Boley 1993: 2005] предположила, что хеттская возвратная частица использовалась в подобных случаях для маркирования «общего, неспецифичного указания на активную вовлеченность субъекта, либо его интереса, намерения, умственного усилия и пр.»²⁶. Это описание может показаться смутным и интуитивным, но было бы сложно прийти к более точному определению на основе корпусного исследования, поскольку этический датив =z(a) не имеет места в структуре аргумента соответствующих предложений. Мы ограничим иллюстрацию этого случая примером (36), который почти полностью эквивалентен палайскому предложению (24). Можно видеть, что распределение возвратных клитик в двух языках является прямо противоположным, поскольку =si встречается только в первой клаузе в палайском, а =z(a) — только во второй клаузе в хеттском. Вероятная причина подобного феномена кроется не в грамматических различиях между хеттским и палайским, а скорее в стилистических предпочтениях отдельных писцов.

²⁶ Иванов и Гамкрелидзе [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 1/361, сноска 1] стараются формализовать эту интуитивную догадку, обращаясь к идее субъектной версии. К сожалению, грамматическая категория версии, хорошо известная среди картвелистов, только пробивает себе путь в литературе по общей типологии. Недавнюю попытку определить эту категорию в универсальных терминах см. у [Anderson, Gurevich 2005].

(36) KUB 17.10 i 19–20, СТН 324 (ОН/MS), Mazoyer 2003: 44

eder n=e UL ispiyēr eguyēr=ma n=e=za
 есть.3PL.PRT PTCL=ОН.NOM.PL.C NEG насыщаться.3PL.PRT пить.3PL.PRT=же PTCL=ОН.NOM.PL.C=REFL
 UL hass[i]kkir
 NEG напиваться.3PL.PRT
 ‘Они ели, но не насытились, они пили, но не утолили жажду’.

В ряде случаев этический датив =z(a) может реинтерпретироваться как поднятый возвратный посессор [ср. Hoffner, Melchert 2008]. Показательный пример, для которого можно было бы утверждать, что =z дублирует аккадографическое =šU «свое», дан в (37). Проблема поднятых возвратных посессоров, однако, не должна отделяться от общего вопроса о синтаксическом подъеме в хеттском. Гютербок [Güterbock 1983] установил, что невозвратные посессоры не могут передаваться дативными клитиками в древнехеттских текстах (или текстах древнехеттского пошиба), и было бы весьма необычно, если бы в данном случае возвратные конструкции вели себя по-другому. Поэтому мы предпочитаем интерпретировать =z в (37) как подлинный возвратный этический датив, который довольно часто сопровождает глагол *ep-* ‘брать’ [Voley 1993: 61]. По той же причине мы считаем крайне маловероятным, что =zza в (35) дублирует притяжательное местоимение =*smi*. Подъем посессора в среднехеттском языке, по-видимому, сопровождался исчезновением притяжательных клитик.

(37) KBo 25.34 i 22 СТН 627 (OS³), Neu 1980: 90

ta=z AšAR=šU ē[ptzi]
 PTCL=REFL место.ACC.SG=3SG.POSS-ACC.SG.N брат.3SG.PRS
 ‘Он зан[имает] свое место’.

Две функции =z(a), которые могут рассматриваться как грамматикализованный этический датив, представляют собой инновации в хеттском, но имеют точные параллели в лувийском. Хоффнер [Hoffner 1969] открыл правило, согласно которому начиная со среднехеттского периода =z(a) употреблялось в именных предложениях для маркирования 1-го или 2-го (в отличие от 3-го) лица субъекта (38–39). Это правило неприменимо для древнехеттских текстов, где =z(a) последовательно отсутствует в именных предложениях (40–41). Правило Хоффнера в среднехеттском и новохеттском языках, очевидно, напоминает лувийское правило, иллюстрируемое примерами (8–9).

(38) НКМ 1 rev. 11–13 (МН/MS), Alp 1991: 120

nu=za PANI LÚKUR mekki pahhassanuanza ēs
 PTCL=REFL перед враг.DAT.SG. очень охранять.PTCP-NOM.SG.C быть.2SG.IMPV
 ‘Будь весьма настороже перед лицом врага!’

(39) НКМ 17 obv. 5–6 (МН/MS), Alp 1991: 142

[k]uitman=wa=za wēs nuwa URUHattusi eswen
 пока=QUOT=REFL мы.NOM еще Хатгуса.DAT быть.1PL.PRT
 ‘Пока мы еще были в Хатгусе’.

(40) KBo 6.2+ iii 18, СТН 291.I.A (OS), Hoffner 1997: 67

nu=wa=nnas=za mimmanzi LÚ.MEŠ ILKI-wa sumes
 PTCL=QUOT=мы.OBL=REFL отказать.3PL.PRS человек.NOM.PL барщина.GEN=QUOT вы.NOM
 ‘Они нам отказали (сказав): «Вы крепостные»’.

- (41) KUB 26.35 6, CTH 39.5 (OS), del Monte 1981: 208

[zi]k attas=mis ēs
 ты.NOM отец.NOM.SG=1SG.POSS-NOM.SG.C быть.2SG.IMPV
 ug=a DUMU=tis ēslit
 я.NOM=a сын.NOM.SG=2SG.POSS-NOM.SG.C быть.1SG.IMPV
 ‘Будь моим отцом, а я буду твоим сыном!’

Трансформативная функция перевода стативных глаголов в предельные также засвидетельствована для =z(a), начиная со среднехеттского периода. Все приведенные ниже примеры характеризуют глагольный корень *es-/as-* ‘сидеть’, который, вероятно, является когнатом лув. **asa-*, скрытого за логограммами в (11–12). Примеры (42) vs. (43), относящиеся к концу среднехеттского периода, иллюстрируют контраст между стативным *es-* ‘обитать’ и его предельным аналогом =z(a) (...) *es-* ‘захватывать’. Это различие усиливает изначальный контраст между активным *es-*, обозначающим состояние, и медиопассивным *es-*, обозначающим смену состояния; данный контраст был представлен уже в древнехеттском (44–45). Похожий тип инновативной формальной оппозиции зафиксирован в ряде других хеттских глаголов, напр. *kis-* ‘происходить’ vs. =z(a) (...) *kis-* ‘становиться’, *tarhu-/taruh-* ‘быть сильным, господствовать’ vs. =z(a) (...) *tarhu-/taruh-* ‘завоевывать’, *sak-* ‘знать’ vs. =z(a) (...) *sak-* ‘узнавать, признавать (власть)’. Подобные примеры резюмированы в работе [Hoffner, Melchert 2008: 360].

- (42) KBo 10.12 iii 35–36, CTH 49.II (MH/NS), del Monte 1986: 138

LÚ.MEŠ KUR^{URU}AMURRI=ya=kan kuyēs ŠÀ-BI KUR^{URU}HATTI asanzi
 человек.NOM.PL Амурру.GEN=и REL.NOM.PL.C в Хатти.DAT.SG сидеть.3PL.PRS
 ‘Люди Амурру, которые проживают в Хатти...’

- (43) HKM 10 obv. 4–5 (MH/MS), Alp 1991: 134

^mPihinakkis=za mahhan^{URU}Lisipran ēski[tt]ari
 Пихинакки.NOM.SG=REFL когда Лисипра.ACC.SG засесть.3SG.PRS.MED
 ‘Когда Пихинакки захватит Лисипру...’.

- (44) KBo 17.1 + ABoT 4c I 30, CTH 416.I.A (OS), Neu 1980: 6

^{NINDA}sarrui=m[(a=ss)]an ERÍN.MEŠ-az ēsi
 A.DAT.SG=же=PTCL войско.NOM.SG сидеть.3SG.PRS
 ‘«Войско» сидит на (хлебе) А’ (фигурки воинов рассажены по ритуальному хлебу).

- (45) KBo 17.15 rev. 19–20, CTH 645.VI.C (OS), Neu 1980: 74

LUGAL-uss=a ēmākziyaz uizzi G^{is}huluganni=ya esa
 царь.NOM.SG-a A.ABL приходить.3SG.PRS повозка.DAT.SG-и сесть.3SG.PRS.MED
 ‘А царь выходит из А и садится в повозку’.

Ряд нетривиальных синтаксических изменений, касающихся возвратных местоимений и приведших к росту структурного изоморфизма между хеттским и лувийским языками, должны объясняться языковыми контактами. Можно либо предположить, что морфосинтаксическая эволюция среднехеттского языка стимулировала похожее развитие в лувийском диалекте Хаттусы и окружающей территории, либо принять калькирование лувийских моделей хеттами. Малочисленность оригинальных лувийских текстов, предшествующих предполагаемому периоду контакта, не позволяет нам напрямую от-

ветить на этот вопрос, но материалы других анатолийских языков предоставляют устойчивые косвенные свидетельства в пользу второго сценария. Наличие местоименных копул в палайских (18) и лидийских (25—26) именных предложениях заставляет предположить, что правило Хоффнера представляло собой хеттскую анатолийскую инновацию²⁷. Иначе говоря, возвратные этические дативы **=mi* и **=ti* (vel sim.) были грамматикализованы в праанатолийском как маркеры 1-го и 2-го лица в именных предложениях, и это произошло вскоре после отделения хеттского языка. Если так, то примеры (8—9) и другие подобные случаи являются в лувийском языке унаследованной конструкцией, в то время как возникновение подобной структуры в среднехеттском должно рассматриваться в качестве феномена, стимулированного контактом²⁸. Бритва Оккама заставляет нас распространить это же объяснение на трансформативную функцию клитики *=z(a)* в новохеттском.

К данным функциональным инновациям должно быть добавлено формальное изменение в выражении хеттских возвратных местоимений мн. ч. Хотя в более древнем языке *=z(a)* использовалось в клаузах с подлежащими во мн. ч., как в примере (35) выше, клитики *=nnas* 'нам' и *=smas* 'вам/им' начали функционировать к концу среднехеттского периода как факультативные возвратные маркеры мн. ч. и стали нормой в данной функции в новохеттский период. Это опять напоминает лувийскую ситуацию, где энклитические личные местоимения мн. ч. также выполняли возвратную функцию [Melchert 2003b: 190, ср. Табл. 8]. В то же время у нас отсутствуют надежные примеры клитических местоимений ед. ч., которые бы выполняли возвратную функцию в среднехеттском или новохеттском²⁹. Таковую случайную модель перераспределения было бы довольно трудно объяснить в функциональных терминах, если бы мы имели дело с внутренне мотивированным синтаксическим изменением. В противоположность этому, примеры (46—47) и другие подобные случаи, включающие клитики мн. ч., получают естественное объяснение, если принять, что они были калькированы с лувийской модели. С другой стороны, последовательное использование *=z(a)* в качестве возвратного местоимения ед. ч. в среднехеттском и новохеттском языках поддерживалось функциональной двусмысленностью их предполагаемого лувийского эквивалента *=ti*, который использовался с антецедентами 2-го и 3-го лица³⁰.

²⁷ Гипотетическое утверждение, что не только лувийский, но также палайский и лидийский калькировали правило Хоффнера из хеттского, должно быть отвергнуто на чисто исторических основаниях. Западная часть Анатолии, где использовался лидийский в I тыс. до н. э., вряд ли когда-либо населялась большим количеством носителей хеттского языка, так что развитие хетто-лидийской двуязычной среды, где осуществилось бы подобное калькирование, было невозможным.

²⁸ Дополнительный аргумент в пользу контактно-обусловленного характера правила Хоффнера в хеттском предоставляют функциональные соображения. Если принять, что возвратные клитики были грамматикализованы как личные маркеры для компенсации отсутствия формально выраженного подлежащего в именном предложении, то необходимо учесть, что лувийские клитики *=mi* и *=di* гораздо лучше годятся для этой функции, чем их хеттский аналог *=z(a)*, который не проводил различия между 1-м и 2-м лицом. Механическое калькирование полезной лувийской синтаксической модели в хеттский помогло бы объяснить эту асимметрию.

²⁹ Боули [Boley 1993: 198] утверждает, что *=ta* 'тебе' время от времени могло замещаться с помощью *=za*, особенно в императивах, но не приводит там же каких-либо примеров, подтверждающих ее мнение. Мелчерт (личн. сообщ.) полагает, что частотное выражение *le(=wa)=tta nāhi*, переведенное в [CHD, L-N: 340b] как «не пугайся», должно скорее рассматриваться как переходная клауза «пусть (это) не пугает тебя». Независимое основание для данной реинтерпретации — это странность сочетания императива и запретительной частицы *le* [ср. Oettinger 1979: 410, сноска 29].

³⁰ Стоит, однако, отметить, что среднехеттский не просто механически калькировал лувийское распределение возвратных местоимений, но распространил частицу *=z(a)* на подлежащие 1-го лица ед. ч. Та-

(46) НКМ 19 obv 9–10 (MH/MS), Alp 1991: 159

nu=wa=smas=kan ŠA^{URU}GAŠIPŪRA halki^{HL.A}-as zikkanzi
 PTCL=QUOT=3PL.REFL=PTCL Касибура.GEN зерно.DAT.PL устанавливать.3PL.PRS
 ‘Они нацеливаются на зерно Касибуры’.

(47) KUB 1.1 iii 4, CTH 81 (NS), Otten 1981: 16

[(nu=nn)]as DUMU.NITA.ME.EŠ DUMU.MUNUS.ME.EŠ iyawen
 PTCL=1PL.REFL сын.ACC.PL дочь.ACC.PL делать.1PL.PRT
 ‘Мы родили (досл. «сделали себе») сынов и дочерей’.

Сделанные к данному моменту выводы коррелируют со значительным лувийским лексическим влиянием на среднехеттский язык и хорошо согласуются с данными, свидетельствующими о физическом присутствии лувийцев в Хаттусе в XV и XIV вв. до н. э. [ср. Watkins 2004: 574]. Таким образом, структурная конвергенция между двумя языками в течение этого периода согласуется с общим социолингвистическим контекстом. Мелчерт [Melchert 2003b: 204, сноска 31] уже высказал осторожное предположение о том, что некоторые аспекты хеттского употребления возвратных местоимений могут объясняться кальками из лувийского, и представленные выше пояснения являются лишь дальнейшим развитием этой гипотезы. Однако они важны как типологические параллели при обсуждении более ранних контактов, которые также затронули возвратные местоимения и, собственно, несут ответственность за формирование хеттской частицы =z(a).

Набор древнехеттских местоименных клитик может быть суммирован в следующей таблице:

Таблица 10: Древнехеттские местоименные клитики

	nom.	acc.	dat.	refl.
1 sg.	—	=mu	=mu	=z(a)
2 sg.	—	=tu/=ta	=tu/=ta	=z(a)
3 sg.	=as/=ad	=an/=ad	=se	=z(a)
1 pl.	—	=nas	=nas	=z(a)
2 pl.	—	=smas	=smas	=z(a)
3 pl.	=e/=e	=us/=e	=smas	=z(a)

Целый ряд формальных характеристик местоименных клитик является более архаичным в хеттском языке, чем в лувийском. Хеттское =ta ‘тебя, тебе’ может быть напрямую выведено из праанатолийского аккузатива *=te ‘тебя’³¹. Хеттское =ad ‘оно’ является прямым рефлексом анат. *=od, тогда как лув. =ada ‘оно’ получило свою конечную гласную в результате аналогического влияния других местоименных форм среднего рода на -a. Хеттское =smas ‘вас, вам, им’ является прямым рефлексом анат. *=smos, в то время как позднелувийская форма =mtanz(a) ‘тебе, им’ несет на себе следы влияния общелувий-

ким образом, =z(a) может определяться как возвратная клитика ед. ч., использовавшаяся для всех лиц в позднехеттском. Креативная адаптация, приведшая к более экономной системе функциональных оппозиций, но усложнившая в сравнении с лувийским интерпретацию именных предложений, без сомнения, свидетельствует о том, что хеттский все еще был живым языком на момент этой инновации.

³¹ О переходе *e > a в послеударных открытых слогах в хеттском см. [Melchert 1994: 137–138].

ского именного окончания датива/аккузатива мн. ч. $*=anz(a)$. Различие между хетт. $=nas$ и лув. $=anz(a)$ 'нам' может быть легче всего объяснено, если принять вторичную клитизацию тонического местоимения $anza(s)$ 'мы, нам'³².

После объяснения этих формальных различий первоначальная эволюция хеттских и лувийских клитик поддается единообразной интерпретации. Наша реконструкция структурных изменений в хеттском, приведших к частичному слиянию дативных и аккумулятивных клитических местоимений, идентична лувийским Стадиям 1 и 2. Принимая во внимание традиционные индохеттские праформы $*=moi$ и $*=soi$, эта реконструкция будет выглядеть следующим образом³³:

Таблица 11. Развитие хеттских местоименных клитик ед. ч. (Стадия 1)

	им.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	—	$=mu$	$=mē$	→ $=mē$
2	—	$=te/=de$	$=tē/=dē$	→ $=tē/=dē$
3	$=as/=ad$	$=an/=ad$	$=sē$	→ $=sē$

Таблица 12. Развитие хеттских местоименных клитик ед. ч. (Стадия 2)

	ном.	вин.	дат.	(дат.) возвр.
1	—	$=mu$	→ $=mu$	$=mē$
2	—	$=te/=de$	→ $=te/=de$	$=tē/=dē$
3	$=as/=ad$	$=an/=ad$	$=sē$	$=sē$

Уместно напомнить, что процессы, аналогичные лувийским Стадиям 1 и 2, могут также постулироваться для предков палайского и лидийского. Это позволяет нам рассматривать обе стадии как общеанатолийскую инновацию. Ничто не препятствует относительной хронологии, согласно которой все звуковые переходы и аналогии, случившиеся в лувийском, палайском и лидийском, а также ответственные за формальные различия между этими языками и хеттским, относятся к более позднему периоду, чем реализация данных функциональных изменений. Следовательно, можно принять, что представленные выше таблицы содержат реконструкцию праанатолийских форм. Внутренняя реконструкция лувийского языка, описанная в разделе 2, должна быть модифицирована соответствующим образом.

Обратившись к лувийской Стадии 3, можно заметить, что аналогичное изменение не было последовательно проведено в хеттском. Хеттский (единственный из всех анатолийских языков) сохранил дативную анафорическую клитику $=se < *soi$ 'ему', которая на самом деле служит базисом для реконструкции данного элемента в праанатолийском. Если вспомнить, что изменения Стадии 3 не были последовательно реализованы ни в

³² Ср. изменение в вокализме клитики 1-го лица ед. ч. вин. $*=te > =tu$ в праанатолийском, которое было инициировано ударными формами местоимения 'я'.

³³ Айхнер [Eichner 1974: 31–32] предлагал реконструкцию $*=mei$ 'мне' и $*=tei$ 'тебе' для праанатолийского, пытаясь объяснить вокализм хеттских посессивных клитик $=mis$ 'мое' и $=tis$ 'твое'. Идея Айхнера, что хеттские посессивные клитики возникли из исторических дативных клитик, опровергалась тем фактом, что распространение старых аккумулятивных клитик на область датива представляет собой общеанатолийский феномен, а клитизация притяжательных местоимений является специфически хеттским развитием.

палайском, ни в лидийском, то у нас не будет иного выбора, кроме как принять, что слияние клитик 2-го и 3-го лица ед. ч. в отдельных анатолийских языках произошло после распада праязыка. Лувийский, палайский, лидийский и хеттский участвовали в этом процессе, но степень их вовлеченности в него была различной. В хеттском обобщилось возвратное местоимение $=z(a)$, но дативная клитика $=tu/=du$ 'тебе' не была распространена на третье лицо. Палайский и, вероятно, лидийский пошли противоположным путем, и в этих языках формы дативных клитик 2-го и 3-го лица ед. ч. были объединены, но аналогичные изменения в парадигме возвратных местоимений не произошли или не были завершены. В лувийском имели место оба изменения.

Распространение местоименных форм 2-го лица на 3-е лицо не является типологически частотным явлением и вызывает еще больше вопросов, если считать, что оно происходило несколько раз в различных ветвях анатолийских языков. Необходимо выявить особенности анатолийской местоименной системы, которые могли бы стимулировать такой процесс. Единственный элемент, который можно рассматривать в качестве отправного пункта для распространения данного процесса, — это общеанатолийская клитика мн. ч. $*=smos$ 'вам, им'. Конечно, общеанатолийский статус этой клитики подвергался сомнению в прошлом, но близкий функциональный параллелизм между хетт. $=smas$ 'вас; вам, им' и лув. иер. $=mmanz(a)$ 'вас; вам, им' говорит в пользу именно такого решения³⁴. Более того, можно попробовать спроецировать существование подобной формы и на индохеттский период, поскольку клитики косвенных падежей мн. ч. тох. А $-m$ и тох. Б $-me$ представляют собой идеальное фонетическое соответствие анатолийскому $*=smos$ и могут обозначать все три лица ('нам/вам/им')³⁵. Впрочем, данный аргумент не может обсуждаться здесь в деталях, поскольку лингвистическая реконструкция, выходящая за пределы анатолийского уровня, не входит в планы нашей работы.

По той причине, что праанатолийские клитики мн. ч. могли функционировать и как личные, и как возвратные местоимения, аналогия, стимулированная данными формами, может также затрагивать обе категории местоимений. В действительности она затрагивала оба класса, но в различных языках и в разное время. Аналогия, которая, воз-

³⁴ Подробный анализ омонимичных местоименных форм 2-го и 3-го лица в праиндоевропейском дан в работе [Katz 1998: 234—253]. Автор приходит к выводу, что синхронное тождество подобных форм является исторической случайностью во всех примерах, рассмотренных в его диссертации; он также предлагает две различные этимологии для хетт. $=smas$ 'вам' и хетт. $=smas$ 'им', когнатом последней формы он считает лув. иер. $=mmanz(a)$ 'вам'. Однако автору не удается предоставить фонетическое объяснение лув. иер. $=mmanz(a)$ 'вам', что побуждает его признать, будто мы имеем дело с распространением формы 3-го лица на 2-е лицо внутри лувийского [ibid.: 241]. Он также предполагает в качестве альтернативы гипотезу о том, что формы 2-го лица $=smas$ и $=mmanz(a)$ могут в действительности являться когнатами, и в этом случае они «обе представляют реальное, но не чисто лувийское, расширение с 3-го лица на 2-е лицо» [ibid.: 241—242]. Мы считаем, что эта последняя альтернатива предпочтительна, поскольку только она закладывает фундамент для объяснения дальнейших изменений в анатолийских клитиках 1-го лица.

³⁵ Кац [Katz 1998: 156, 247] полагает, что тох. А $-m$ и тох. Б $-me$, указывающее на 3-е лицо, действительно восходит к клитике $*=smos$, в то время как формы 1-го и 2-го лица восходят к ударным местоимениям $*_nsme$ 'мы' и $*_usme$ 'ты', подвергшимся аферезе. Данная реконструкция сталкивается с формальными проблемами, касающимися вокализма тох. Б; кроме того, неясно преимущество выведения тохарских клитик косвенных падежей из и.-е. ударных объектных местоимений и отделения их от клитик косвенных падежей в анатолийских языках. По нашему мнению, можно реконструировать систему индохеттских дативных/аккузативных клитик мн. ч. как $*=nos$ (1-е лицо мн. ч.) / $*=smos$ (2-е лицо мн. ч.) / $*=smos$ (3-е лицо мн. ч.) и при этом предполагать, что в тохарских языках обобщились формы 2/3-го лица. Поздняя индоевропейская клитика 2-го лица мн. ч. $*=wos$ 'вы' может пониматься как инновация, основанная на ударных формах и полученная в результате пропорциональной аналогии типа $*_nōs$ / $*=nos$ = $*_wōs$ / X.

можно, имела место в ранней истории нехеттских (или луво-палайских) языков, может быть описана пропорцией $*(s)mas / *(s)mas = *tu / X$. Иначе говоря, формальная идентичность клитик со значением ‘вам’ и ‘им’ стимулировала функциональное расширение $*tu$ ‘тебе’ за счет $*sē$ ‘ему’. Другое применение аналогии того же типа привело к функциональному распространению лувийского возвратного местоимения 2-го лица $=di$ на 3-е лицо. В палайском аналогия, по-видимому, прошла в противоположном направлении, поскольку этимологическое возвратное местоимение 3-го лица ед. ч. $=si$ фиксируется в повелительных предложениях, что предполагает наличие субъекта во 2-м лице ед. ч. В данном случае, однако, апелляция к аналогическому влиянию форм мн. ч. может оказаться излишней, поскольку распространение возвратных местоимений 3-го лица на другие лица и числа является типологически тривиальным. В лидийском клитика мн. ч. $=mś$ влияла на формы ед. ч., что привело к созданию совершенно новой морфемы $=mł$ ‘ему’ (вероятно, также ‘тебе’). Эта этимология дает важное подтверждение общего тезиса о том, что анатолийские клитики мн. ч. могли влиять на структуру аналогичных клитик ед. ч. Другая аналогия, которая, похоже, реализовалась в поздний период развития лидийского языка, вызвала распространение возвратного местоимения 2-го лица $=t$ на 3-е лицо. Эта клитика постепенно стала восприниматься как обобщенный маркер возвратности, независимый от лица и числа.

Единственная клитика, распространение которой на Стадии 3 остается формально необъясненным, — это хеттское возвратное $=z(a)$, фонетически $/ts/$, которое обычно реконструируется как $*ti$ [Kimball 1999: 191, там же ссылки; Kloekhorst 2008: 1019]. В праанатолийской парадигме возвратных местоимений попросту нет форм, которые, согласно фонетическим законам, могли бы развиваться в хетт. $*ti > =z(a)$. Если принять происхождение лув. $=di$ от праиндоевропейской дативной клитики 2-го лица, подтвержденное параллелями из других анатолийских языков, остаются возможными только два решения. Необходимо либо полностью отвергнуть связь между хетт. $=z(a)$ и лув. $=di$, либо признать, что хетт. $=z(a)$ выводится из праиндоевропейского $*toi$ или праанатолийского $*tē$ с помощью иных средств, чем фонетические законы.

Успех первого подхода будет возможен в случае обнаружения иных правдоподобных когнатов хетт. $=z(a)$ в анатолийских или индоевропейских языках. Однако в данный момент нам неизвестны альтернативные этимологические решения, поддержанные адекватным семантическим анализом $=z(a)$. Утверждение Каррубы [Carruba 1964: 429–430] о том, что $=z(a)$ должно быть связано с основой указательного местоимения и.-е. $*to-$, наталкивается на отсутствие других анатолийских форм, которые могли бы относиться к данной праиндоевропейской основе, и не объясняет исторического вокализма $=z(a)$ ³⁶. Предположение Йозефсона о том, что хетт. $=z(a)$ идентично дативу 3-го лица ед. ч. $=sa$, относящемуся к притяжательной основе $si/a-$ ‘его’ [Houwink ten Cate, Josephson 1967: 137], не учитывает действительного произношения $=z(a)$ как $/ts/$. Недавняя попытка Йо-

³⁶ Карруба [Carruba 1969: 45–46] попытался подкрепить свое раннее предположение, приведя лувийскую клитику $=du$ ‘ему’, якобы выводимую из и.-е. формы $*to(i)$ (vel sim.), образованной от указательного местоимения $*to-$. Данная гипотеза была развита в недавней работе [Frotscher 2012], автор которой исходит из регулярного фонетического изменения $*-oi- > ce$ в истории лувийского языка и полагает, что лув. $=du$ ‘ему’ развилось из и.-е. $*toi$ через ступень $*tue$. Характерно, что в этой дискуссии даже не упоминается рефлексивная клитика $=di$, которая как раз и должна являться рефлексом $*toi$ согласно общепринятой версии исторического развития лувийского вокализма [ср. Melchert 1994: 279]). Таким образом, гипотеза Фрочера по определению является неполной. Впрочем, следует заметить, что автор и сам настаивает на своем решении [Frotscher 2012: 175].

зефсона [Josephson 2003] связать хетт. $=za$ и ведийское указательное местоимение $syá-/tyá-$ не основана ни на близком фонетическом соответствии (Йозефсону приходится объявить $-a-$ вторичным дейктическим элементом), ни на сходстве в базовом значении обеих морфем. Проблемы, касающиеся лувийской частицы $=di$, были полностью проигнорированы в данной работе.

Второй подход представлен в недавней работе Элизабет Рикен [Rieken 2004/5: 183]. Рикен впервые эксплицитно связала как хетт. $=z(a)$, так и лув. $=di$ с позднеиндоевропейским $=toi$ 'тебе'³⁷. Рикен отчетливо понимала, что прямым рефлексом $*=toi$ должно было бы стать древнехеттское $*=te$, подобно тому как $*=soi$ 'ему' развилось в древнехеттское $=se$ [Kimball 1999: 214]. Поэтому она предположила, что $*=toi$ перешло в $*=ti$ уже в праанатолийском, и связала это изменение с аналогическим влиянием именного окончания датива-локатива $*=i$. Это предположение может рассматриваться как развитие более раннего тезиса Мелчерта [Melchert 1994: 218], согласно которому вокализм палайского $=di$ 'тебе' является результатом аналогического выравнивания, обусловленного именным окончанием датива-локатива.

С функциональной точки зрения подход Рикен выглядит вполне привлекательным. Так, можно предположить, что $*=ti > =z(a)$ исконно функционировало в хеттском как возвратное местоимение 2-го лица ед. ч., а распространение на 3-е лицо ед. ч. представляло собой лишь первую стадию в расширении его значения. Возможно, это была еще одна пропорциональная аналогия, мотивированная омонимией между возвратными клитиками 2-го и 3-го лица мн. ч. ($=smas / =smas = z(a) / X$), что могло бы представлять дополнительную параллель к распространению $=di$ в диалекте-предке лувийского. Однако позднее возвратное местоимение $=z(a)$ из 3-го лица ед. ч. обобщилось на все другие лица и числа, вытеснив даже те возвратные клитики мн. ч., которые были причиной его первоначального распространения. Этот типологически естественный процесс находит возможную параллель в распространении лидийского $-t$ на 1-е лицо мн. ч., разумеется, при условии, что релеватные примеры правильно разобраны. Данное развитие сменилось на прямо противоположное в среднехеттский период, когда клитики мн. ч. $=(n)nas$ 'нам' и $=smas$ 'вам', находясь под непосредственным влиянием их лувийских аналогов, вновь внедрились в возвратную парадигму.

Что касается формальной стороны гипотезы Рикен, то здесь мы сталкиваемся со значительными трудностями. В отличие от предположения Мелчерта, касающегося происхождения палайского $=di$, которое может быть подкреплено идентичным вокализмом возвратного $=si$ в палайском, любая аналогия, якобы дающая $=di$ в праанатолийском, выглядит неубедительно на фоне сохранения $=se$ 'ему' в древнехеттском. Парадигматическое выравнивание не могло избирательно прилагаться лишь к некоторым членам рифмующейся группы дативных клитик ($*=mē/*=tē/*=sē$). Еще менее убедительно выглядело бы допущение, что такая аналогия затронула $*=tē$ после того, как это местоимение стало возвратным в праанатолийском (Стадия 2), но не была применена к настоящей дативной анафоре $*=sē$. В истории хеттского языка мы действительно можем обнаружить результаты аналогического выравнивания, приведшего к развитию $=se$ в $=si$, но этот поздний процесс произошел к концу древнехеттского периода и, разумеется, не мог иметь ничего общего с мнимым праанатолийским переходом, обсуждаемым в настоящем абзаце [Rasch Brosch 2014: 324].

³⁷ Рикен в этом своем предположении ссылается на Мелчерта [Melchert 1994: 218], но утверждения обоих исследователей на самом деле принципиально различаются. Мелчерт ограничил свой анализ этимологией палайского $=ti$ 'тебе' (ср. выше), которое он не связывал с хетт. $=za$ и лув. $=di$ [Melchert 1994].

Если развитие $*=tē > *=ti$ не может объясняться ни фонетическим законом, ни аналогией, то следует рассмотреть третью возможность, предоставляемую сравнительным методом. Форма $*=ti$ могла быть заимствована из анатолийского диалекта, в котором переход $*toi > *ti$ был фонетически регулярным или аналогически мотивированным. Формально все анатолийские языки, кроме хеттского, могли бы быть источником такого заимствования, но лувийский язык особенно актуален с социолингвистической точки зрения. С одной стороны, у нас имеются богатые свидетельства структурного влияния лувийского на средне- и позднихеттский, включая и специфические случаи возвратных местоимений, рассмотренные ранее в данном разделе. С другой стороны, мы располагаем достаточной информацией для того, чтобы настаивать на существовании интенсивных лексических контактов между этими двумя языками в доисторический период. Ни одно из свидетельств такого типа не доступно в случае палайского или лидийского, и они, таким образом, не должны рассматриваться как источники заимствования, если следовать принципу бритвы Оккама.

Наиболее вероятный сценарий развития возвратных местоимений в хеттском представлен ниже:

Таблица 13. Развитие хеттских местоименных клитик ед. ч. (Стадия 3)

	ИМ.	ВИН.	ДАТ.	(ДАТ.) ВОЗВР.
1	—	=mu		=mē
2	—	=te/=de		=tē/=dē
3	=as/=ad	=an/=ad	=sē	=tē/=dē ↓

Таблица 14. Развитие хеттских местоименных клитик ед. ч. (Стадия 4)

	ИМ.	ВИН.	ДАТ.	(ДАТ.) ВОЗВР.
1	—	=mu		=mi
2	—	=te/=de		=ti/=di
3	=as/=ad	=an/=ad	=sē	=ti/=di

Таблица 15. Развитие хеттских местоименных клитик ед. ч. (Стадия 5)

	ИМ.	ВИН.	ДАТ.	(ДАТ.) ВОЗВР.
1	—	=mu		=ti/=di
2	—	=te/=de		=ti/=di ↑
3	=as/=ad	=an/=ad	=sē	=ti/=di

Отделение формальной и функциональной конвергенции между хеттскими и лувийскими возвратными местоимениями является в некотором роде искусственным методологическим шагом. Имеется возможность слить воедино Стадии 3–5, опираясь на предположение о том, что распространение $*=tē/=dē$ по всей возвратной парадигме шло одновременно с его фонологической модификацией. Конвергентные инновации перечислены отдельно, что связано в основном с необходимостью подчеркнуть, что заимствование i -вокализма не могло предшествовать функциональному расширению $*=tē/=dē$. Если принять обратный порядок, то можно было бы ожидать, что клитика 3-го лица

ед. ч. $*=sē$ 'ему (самому)' также подверглась бы конвергентному переходу в $**=sī$, что опровергается древнехеттскими свидетельствами.

Весьма правдоподобно, что реализация Стадии 3 в хеттском была мотивирована не только пропорциональной аналогией ($=smas / =smas = *tē / X$), но и сходной парадигмой клитик в территориально смежных лувийских диалектах. Как уже упоминалось, распространение клитик 2-го лица на 3-е лицо, какова бы ни была его мотивация, является типологически необычным. Следовательно, когда мы обнаруживаем совокупность таких изменений в группе смежных диалектов, ареальное объяснение должно быть рассмотрено всерьез. Лувийский язык, в котором инновации Стадии 3 реализовывались наиболее последовательно, мог породить «лингвистическую волну», распространившуюся на континуум уже разделенных анатолийских диалектов, приведя к похожим функциональным изменениям, но в меньшем масштабе. Данный сценарий, однако, оставался бы всего лишь одной из возможностей, если бы мы не располагали независимыми свидетельствами в пользу формальной конвергенции между хеттскими и лувийскими возвратными клитиками на Стадии 4. Поскольку сейчас такие свидетельства доступны, интерпретация Стадии 3 в ареальном ключе должна быть приоритетной в сравнении с утверждением о наборе типологически сходных, но независимых изменений.

5. Доисторические контакты между хеттским и лувийским языками

У нас отсутствуют исторические материалы, которые позволили бы пролить свет на дату ранней конвергенции между хеттским и лувийским языками. Можно, однако, попытаться поместить ее в рамки относительной хронологии фонологических и морфосинтаксических изменений, которые произошли в период между праанатолийским и хеттским. Несмотря на то что относительная хронология напрямую не переводится в абсолютную, значительное число изменений, произошедших между постулируемым эпизодом контакта и древнейшей зафиксированной стадией хеттского языка, являлось бы аргументом против связи реконструируемой койнеизации хеттского языка с экспансией, приведшей к созданию Древнехеттского царства. Мы уже видели, что обобщение хетт. $=z(a)$ в качестве возвратной частицы, контролируемой любыми типами субъектов (Стадия 5), представляет собой одно из таких изменений. Относительная хронология некоторых других процессов зависит от интерпретации хеттского медиопассивного расширения $-di$ (с синхронным вариантом $-d$).

Инвентарь известных древнехеттских медиопассивных глагольных окончаний, а также их традиционные грамматические интерпретации извлечены из работы [Kassian 2002]:

Таблица 16. Древнехеттские медиопассивные окончания

	Презенс		Претерит		Императив
	ед.	мн.	ед.	мн.	ед.
1	-ha; -hari;	-wasta (1×)	-had	?	?
2	-ta (1×)	-tumari (1×)	-tad	?	-hud
3	(I) -ta; -tari	-anta; -antari	(I) -tad	-antadi	(I) -taru
	(II) -a; -ari; -ani		(II) -adi		(II) -aru

Можно заметить, что медиопассивные окончания презенса и претерита имеют одинаковую первую часть для всех лиц/чисел, но различаются своими расширителями. Согласно полученным результатам, вторая часть древнехеттских окончаний презенса является либо нулевой, либо *-ri* (реже *-ni*), в то время как окончания претерита расширены элементами *-di* или *-d*. Данная дистрибуция подверглась модификации в поздней истории хеттского языка; в этот период мы имеем окончания презенса *-tadi* (2-е лицо ед. ч.), *-wastadi* (1-е лицо мн. ч.) и *-tumad* (2-е лицо мн. ч.), чередующиеся с вариантами на *-ri*. В то же время расширение *-ri* было ограничено настоящим временем на протяжении всей истории хеттского языка [Neu 1968: 24–30].

Предпринятый нами анализ древнехеттских контекстов привел к выводу об отсутствии надежной связи между дентальными расширителями и претеритом уже в древнейших текстах. Вопреки устоявшемуся мнению, форма *suppiyahhadi*, встречающаяся в записи древнехеттского ритуала, должна интерпретироваться как глагол настоящего времени:

(48) KBo 25.112 ii 14–15, CTN 733.II.4 (OS), Neu 1980: 191

LUGAL-us=za	suppiāhhadi	ANA [hal]pūti	mānhand[a]	māldi
царь.NOM.SG=REFL	очищать.3SG.PRS.MED	алтарь.DAT.SG	как	заклинать.3SG.PRS
kē=a	QATAMMA			
это.ACC.PL.N=a	так			

‘Царь очищает себя. Как он заклинает перед алтарем, (здесь) это также’.

Первые компоненты хеттских медиопассивных окончаний, маркирующие лицо и число, в большинстве своем имеют хорошие этимологии, возводящие их к набору реконструированных индохеттских флективных морфем для категории, обозначаемой разными исследователями как «перфект», «статив» или «протомедиальный залог». Когнаты этих морфем обнаруживаются в спряжении перфекта и медиопассива в различных индоевропейских языках³⁸. отождествление хеттского медиопассивного расширения *-r* (*i/u*) и индоевропейского элемента *-r* с идентичной функцией также является довольно надежным [Yoshida 1990]. В противоположность этому индикативные расширители *-di/-d* не имеют непосредственных аналогов в праиндоевропейском, и они должны рассматриваться как хеттские или анатолийские инновации³⁹. Из двух вариантов *-di* является более архаичным. Согласно Куриловичу [Kuryłowicz 1964: 69], хеттский претерит 3-го лица ед. ч. *-ta-d* представляет собой сочетание старого медиопассивного окончания и флексии активного претерита. Эта гипотеза может быть реинтерпретирована как адаптация претерита 1-го лица ед. ч. **-hadi* и претерита 2/3-го лица ед. ч. **-tadi* (зафиксированы в более

³⁸ См. [Jasanoff 2003: 1–29], где дается обзор мнений о реконструируемом значении этого спряжения, а также содержится изложение его собственных взглядов.

³⁹ Педерсен [Pedersen 1938: 110], которому следует Эттингер [Oettinger 1997: 417], связывал хетт. *-di/-d* с праиндоевропейским суффиксом императива **-dhi*. Данная этимология остается весьма правдоподобной в случае окончания хеттского медиального императива 2-го лица ед. ч. *-hu-d*, даже несмотря на то, что она требует предположения о нерегулярной апокопе (по этому поводу ср. лат. *dic* ‘говори!’, *fac* ‘делай!’ и *duc* ‘веди!’). Карруба связал *-di* с медиопассивными суффиксами инфинитива вед. *-dhyai* и греч. *-σθαϝ*, постулировав также существование праиндоевропейского медиопассивного суффикса **-dh-* с различными формальными расширителями и функциональными трансформациями [Carruba 1992a: 15–31]. Общий недостаток обеих теорий заключается в необходимости приводить более или менее искусственные аналогии, которые должны объяснить типологически неправдоподобное распространение дентальных суффиксов из периферийных форм на формы индикатива.

поздних хеттских текстах) под влиянием окончаний активного претерита. Это аналогическое развитие, в свою очередь, могло привести к восприятию первоначального расширения *-di* как презентного эквивалента и *-d* в более поздний период развития хеттского языка⁴⁰.

Что касается варианта *-di*, то его происхождение не должно ассоциироваться с инвентарем глагольной морфологии. Ной [Neu 1968: 145] убедительно связал эту морфему с дохеттской возвратной клитикой **=ti/=di*. Вставление исконной ваккернагелевской клитики в постглагольную позицию имеет несколько параллелей в индоевропейских языках, одну из которых предоставляет суффикс *-ся/-сь*, маркирующий русский возвратный залог и восходящий к праславянской ваккернагелевской клитике **=se*.⁴¹ Приведенный выше случай (48) может служить примером синтаксической конструкции, в которой клитика **=ti/=di* могла распространиться из ваккернагелевской позиции на постглагольную⁴².

Трактовка Ноя не была принята сразу всеми исследователями. В последние годы, однако, она получила весомое подтверждение в виде анализа лувийских предложений железного века, где встречается элемент *-si*, прибавляемый к глагольным окончаниям. Медиопассивный характер подобных форм не сразу ясен из каждого контекста, но он может быть однозначно выведен из сравнения примеров (49) и (50), где *-si* чередуется с *-ru* (3-е лицо ед. ч. имп.) в одной парадигме пассивного глагола *izziya-* ‘становиться’.

(49) ÇINEKÖY, §7, Tekoğlu and Lemaire 2000

hiyawas=ha=wa(URBS)	suriyas=ha(URBS)	“UNUS”-za	DOMUS-nanza	izziyasi
Хиява.NOM.SG=и=PTCL	Ассирия=NOM.SG=и	один.NOM.SG.N=и	дом.NOM.SG	делать.3SG.PRT.MED

‘Хиява и Ассирия стали одним домом’

(50) KARATEPE §53 (Hu.), Hawkins 2000, I: 55

kwippa=wa	za	(“CASTRUM”)harnisanza	izziyaru
действительно=PTCL	это.NOM.SG.N	крепость.NOM.SG	делать.3SG.IMPV.MED
(DEUS)BONUS-s(sa)	(DEUS)VITIS-s(sa)=ha		
Бог.зерна.GEN	Бог.вина.GEN		

‘Пусть эта крепость станет (домом) бога зерна и бога вина’.

Лувийский медиопассивный маркер *-si* был впервые связан с палайской ваккернагелевской клитикой *=si*, которая, как мы уже видели выше, имела возвратное значение, в работе [Oshiro 1993: 54]. Эта идея получила дальнейшее развитие в работе Рикен [Rieken

⁴⁰ Если пал. *šar-ku-ta-at* (KUB 35.165 obv. 6) действительно является формой медиопассива, как считает Камменхубер [Kammenhuber 1959], то расширение *-d* представляет собой общеанатолийскую инновацию или результат ареального развития.

⁴¹ Другим примером является литовский рефлексивный маркер *-si*, выступающий в качестве инфикса в префиксальных глаголах и суффикса в остальных случаях. Контрастивно-типологический анализ функций хеттской клитики *=za* и литовского аффикса *-si* содержится в недавней работе [Cotticelli Kurras, Rizza 2013].

⁴² По поводу реконструированного дублирования ваккернагелевской аккумулятивной анафорической клитики в других позициях в истории ликийского языка ср. объяснение Гарретта [Garrett 1991]. С другой стороны, можно рассмотреть сценарий, согласно которому ваккернагелевские клитики сначала присоединялись к медиопассивным формам в предложениях с начальным глаголом (по типу тех, что описаны в работе [Sidel'tsev 2002]). Против подобного решения, впрочем, говорит редкость данного синтаксического типа в оригинальных (непереводных) хеттских произведениях.

2004/05: 183—184], где проводится прямая параллель между распространением хетт. $*=ti/=di$ и лув. $=si$ на постглагольную позицию, что, таким образом, подтверждает теорию Ноя⁴³. Имеется, однако, важное различие между относительными хронологиями этих двух синтаксических процессов. Распространение лув. $=si$, должно быть, произошло до наступления Стадии 3, которая фактически ликвидировала эту ваккернагелевскую клитику. Редкость глагольных форм на $-si$ в лувийских текстах железного века вместе с их полным отсутствием в лувийском языке Киццуватны свидетельствует о рудиментарном характере данного образования. Напротив, распространение хетт. $*=ti/=di$ на постглагольную позицию должно было произойти после Стадии 3, а также, вероятно, после Стадий 4/5. Иначе было бы очень сложно объяснить, почему клитика 2-го лица $*=tē/*=dē$ была обобщена в качестве маркера медиопассива, а затем подверглась нерегулярному стяжению до $*=di$ под влиянием лувийской клитики, которая никогда не имела этой функции.

Формальные отношения между ваккернагелевской клитикой $*=ti$ и глагольным расширением $-di$ в хеттском языке должны обсуждаться с учетом феномена праанатолийской лениции. Согласно традиционной формулировке этого звукового закона, праанатолийские глухие взрывные озвончались после ударных долгих гласных или между двумя безударными гласными [ср. Melchert 1994: 60, там же ссылки]. Адиего [Adiego 2001] удачно объединил оба условия, предположив, что праанатолийская лениция происходила между двумя безударными морфемами. Результаты лениции лучше всего сохранились в глагольной системе лувийского языка, в то время как в хеттском они оказались затемнены рядом последующих аналогических преобразований. Тем не менее окказиональные синхронные чередования внутри хеттских глагольных парадигм (ср. *āgi* ‘она умирает’ vs. *akkánzi* ‘они умирают’, что предположительно сконструировано на основе аблаута акростатических основ, таких как *wégun* ‘я хотел’ vs. *wekkánzi* ‘они хотят’) доказывают существование фонологически обусловленной лениции на более ранних стадиях хеттского языка⁴⁴. Распределение клитических аллофонов $*=tē/*=dē$ и др., реконструированных в приведенных выше таблицах для до-лувийского и до-хеттского, было, вероятно, обусловлено законами лениции. Глухой вариант выбирался в позиции после другого согласного, в то время как ленированный — между безударными гласными внутри клитического комплекса.

Связь между алломорфами должна было сохраняться в хеттском до того момента, пока $*=ti/*=di$ не распространились на постглагольную позицию, где они были специфическим образом ассоциированы с медиопассивным спряжением. Поскольку все нерасширенные маркеры медиопассивов заканчивались на безударные гласные, вариант $=di$ автоматически выбирался в этом контексте. В более поздний период развития хеттского

⁴³ Более свежей параллелью является создание лидийской эмфатической частицы $=ś$, которая может рассматриваться как изначально возвратный маркер $=ś/=is$, распространившийся из ожидаемой ваккернагелевской позиции (согласно Мелчерту [Melchert 1991]).

⁴⁴ О синхронном чередовании между глухими и звонкими смычными в хеттских глагольных парадигмах см. [Kimball 1999: 279—281]. К сожалению, ни один из этих случаев не является акростатической основой, в которой лениция обусловлена предшествующей продленной ступенью корневого гласного. Пример глагола ‘желать’, где акростатический аблаут реконструируется на независимых основаниях, менее интересен с синхронной точки зрения, поскольку в данном случае чередование между глухими и звонкими смычными, похоже, потеряло свою исконную морфологическую обусловленность и стало спорадическим [ср. Oettinger 1979: 17]. Мы бы хотели, однако, заметить, что, какие бы аналогические объяснения ни предлагались для синхронных случаев лениции в хеттском, они будут иметь смысл, только если этот процесс был фонетически обусловлен в начальном наборе случаев.

языка законы лениции потеряли свой синхронный статус, и все клитики, находящиеся во второй позиции, обобщили неленированные алломорфы. Это видно из орфографических вариантов с удвоенными согласными, таких как *=tta* и *=ttu*, которые встречаются в тех позициях, где исходя из фонетических соображений предполагалась бы лениция⁴⁵. Однако данное аналогическое выравнивание не применялась к медиопассивному расширению *-di*, которое, похоже, потеряло синхронную связь с первоисточником. В скобках можно заметить, что в лувийском, напротив, обобщился ленированный вариант ваккернагелевских местоименных клитик (*=di > =ri*).

Последний штрих, подводящий нас к стадии, зафиксированной в древнейших хеттских текстах, — это палатализация */t/ > /ts/ / _i/*, сопровождавшаяся апокопой *-i* в конце слова⁴⁶. Постулируемый фонетический переход должен был произойти после того, как ленированный вариант **=di* перестал быть частью хеттской системы клитик, поскольку иначе под аналогическим воздействием сохранился бы **=ti*. Тот факт, что данный фонетический переход не произошел в случае медиопассивного расширения *-di*, опровергает точку зрения Ёсиды [Yoshida 1998: 614] о том, что **t* и **d*, в противоположность **dh*, подвергались палатализации перед передними гласными верхнего подъема. Стоит отметить, что даже если мы сделаем неправдоподобное предположение, что хетт. *=z(a)* и хетт. *-di* не связаны друг с другом, мы всё же должны признать, что аффрикативизация произошла довольно поздно, поскольку она действовала в отношении клитик **=ti/=di*, заимствованных из лувийского языка. Требуется богатое воображение, чтобы полагать, будто праиндохеттское **dh*, не давшее в иных случаях рефлексов, отличных от **d*, в каком-либо из засвидетельствованных анатолийских языков, сохранилось в до-хеттском на столь поздней стадии⁴⁷.

Сделанные выше наблюдения могут быть резюмированы в виде следующей относительной хронологии:

1. Заимствование **=ti/*=di* в хеттский из лувийского.
2. Обобщение хетт. **=ti/*=di* на все лица и числа.
3. Распространение хетт. **=di* на постглагольную позицию, где оно потеряло свой статус клитики.
4. Вариант *=ti* обобщается во второй позиции в клитическом комплексе.
5. */t/ > /ts/ / _i/; /tsi/ > /ts/ / _#*.

⁴⁵ Многочисленные варианты, такие как *namma=tu=za* (вместо ожидаемого ***namma=ttu=za*) в примере (51) ниже, должны рассматриваться как случаи упрощенного написания. Данный феномен, вкратце рассмотренный в работе [Yoshida 1998: 607], заслуживает более полного исследования.

⁴⁶ Ср. [Kimball 1999: 191–192]. Нам трудно поверить, что апокопа *-i* была также регулярной в позиции после *d*, поскольку сохранение медиопассивного расширения *-di* препятствует этому предположению. По нашему мнению, апокопа в императивном суффиксе *-dhi* должна рассматриваться как одно из тех нерегулярных сокращений, которые часто встречаются в формах императива.

⁴⁷ Филологические соображения, приведенные Ёсидой [Yoshida 1998] в пользу фонетического перехода **/d/ > /dz/ / _i/*, не представляются нам убедительными. Верно, что некоторые глагольные формы на **-ēzzi* иногда записываются в древнехеттском с *-ēzi/-ezi*, но в тех случаях, когда у нас имеется достаточно материалов (напр., *iē(z)zi* ‘он делает’ или *pehude(z)zi* ‘он приносит’), данное написание является менее частотным, чем *-ēzzi/-ezzi* [Kassian 2002: 99, 116]. В подобной ситуации мы предпочитаем думать, что сокращенные варианты *-ēzi/-ezi* не свидетельствуют о существовании отдельной фонемы */dz/*, но, скорее, представляют еще один случай упрощенного написания. Именно это объяснение привел Ёсида [Yoshida 1998] для окказиональной древнехеттской глагольной формы 3-го лица ед. ч. на *-nuzi*, встречающейся в свободном варьировании с *-nuzzi*. Аргумент, что знак <iz> слишком прост, чтобы опускаться менее старательными писцами, неубедителен, поскольку, в конечном счете, сложнее написать знак, пусть и состоящий всего из трех штрихов, чем не писать ничего!

Формально не представляется возможным доказать, что клитика $=ti/=di$ была заимствована в хеттский из того варианта лувийского, который уже отделился от других лувических диалектов, а не из пралувического или даже другого лувического диалекта. Тем не менее в отсутствие свидетельств тесных языковых контактов между хеттским, с одной стороны, и ликийским, милийским, карийским, с другой стороны, непрерывность лингвистической интерференции между хеттским и лувийским остается единственной правдоподобной гипотезой. Также невозможно исключить, что некоторые из обсуждаемых изменений пересекались во времени. Но явная запутанность фонологической и морфосинтаксической эволюции, последовавшей за рассмотренным эпизодом контакта, заставляет предполагать период в несколько сотен лет между заимствованием лув. $*=ti/*=di$ и тем вариантом хеттского языка, который зафиксирован в его древнейших памятниках (XVII в. до н. э.). Доисторические контакты между хеттским и лувийским (или лувическим) должны быть, вероятно, датированы концом III тыс. до н. э.

Отдельно следует остановиться на верификации предложенного сценария и его социолингвистической интерпретации. Критики могут подвергнуть сомнению достаточность аргументации методом исключения для допущения внешнего влияния на один из наиболее устойчивых пластов базового лексикона⁴⁸. К счастью, имеется независимое подтверждение того, что местоименная система не была такой устойчивой в предыстории хеттского языка, как могли бы подумать пуристы. Это следует из анализа клитического комплекса $=tu/du=z(a)$, засвидетельствованного начиная со среднехеттского периода⁴⁹.

(51) НКМ 71 obv 9–10 (МН/MS), Alp 1991: 254

namma=du=za UGULA NIMGIR.ERÍN.MEŠ halzissanzi
 Далее-ты.ACC=REFL главный-военный-инспектор.ACC называть.3PL.PRS
 ‘Тебя ведь называют главным военным инспектором’.

(52) НКМ 56 Obv 11–12, МН/MS, Alp 1991: 224

nu=ddu=za=kan kāsa sanza
 PTCL=ты.ACC=REFL=PTCL CONT сердиться.PTCP-NOM.SG.C
 ‘Я теперь на тебя сердит’.

На примере приведенных выше клауз можно убедиться, что $=tu$ является алломорфом хеттской клитики $=(t)ta$ ‘тебе’, которая может использоваться как для прямого, так и для косвенного дополнения. Фактор, обуславливающий синхронный выбор между алломорфами $=tu/=du$ и $=(t)ta$, — это наличие или отсутствие частиц $=z(a)$ или $=san$ справа (сочетание $=du=z(a)$ встречается примерно в пять раз чаще, чем $=du=(s)san$). Понятно, что происхождение подобной дистрибуции не может быть фонетическим; также невозможно обнаружить правдоподобный источник аналогического распространения $=du$, поскольку в хеттском не засвидетельствовано других клитик сходной фор-

⁴⁸ Распространенное мнение о том, что местоимения никогда или почти никогда не заимствуются, было опровергнуто довольно давно (см. [Thomason 2001: 83–84], где дается набор примеров). Однако дескриптивным фактом остается то, что система индоевропейских личных местоимений имеет определенный иммунитет к заимствованиям из неблизкородственных языков.

⁴⁹ Мы признательны Ярославу Горбачеву (Чикагский университет), который первым обратил внимание на важность алломорфа $=tu/du$ для нашей аргументации. Стоит отметить, что последовательность $=du=za$ засвидетельствована в поздней копии древнехеттского «Эдикта Телибину» (KUB 11.5 rev. 2).

мы⁵⁰. Гипотеза о лувийском заимствовании в среднехеттский также неубедительна, пока не объяснено, почему заимствованная лексема используется исключительно в позиции перед данными двумя частицами.

Ничто, однако, не противоречит предположению, что вариант $=tu/du=$ уже существовал в древнехеттском с такой же дистрибуцией, как и в средне- и позднехеттском. Проверка по картотеке Чикагского словаря показала, что у нас просто-напросто отсутствуют фрагменты, записанные древнехеттским пошибом, в которых клитика 2-го лица фигурировала бы перед $=z(a)/=san$. Вероятно, это должно объясняться отсутствием писем и малочисленностью договоров, написанных на древнейших хеттских табличках и доступных нам, поскольку именно эти два жанра характеризуются наибольшей концентрацией форм 2-го лица в более поздний период и преобладают среди источников, в которых фиксируются $=du=z(a)$. В отсутствие доказательств противного проще принять, что среднехеттский унаследовал исконную дистрибуцию, чем постулировать немотивированную инновацию.

После того как мы отнесли проблему к доисторическому периоду, она получает правдоподобное объяснение в контексте языковых контактов. Очевидно, хетты переняли не только отдельные возвратные клитики лувийского языка, но также и целую последовательность $*=tu=tī$ вместо исконной $*=te=tē$. Фактор, без сомнения облегчивший это заимствование, заключался в генетической близости между хеттским и лувийским, а точнее, в фонетическом подобии релевантных местоименных форм. Аналогичный фактор должен был сыграть свою роль в заимствовании северогерманских местоимений 3-го лица мн. ч. в англо-саксонские диалекты (ср. др.-сев. *θeir/θeim/θeira* 'они/им/их', вытеснившие др.-англ. *hīe/him/hiera* и давшие англ. *they/them/their*). Позднее клитика $=tu$ стала восприниматься в качестве алломорфа $=ta$, и ее употребление было распространено на позицию перед $=san$ по причине частичной фонетической близости между $=z(a)$ и $=san$.

Впрочем, параллель между доисторическими контактами хеттского и лувийского, с одной стороны, и историческими контактами древнеанглийского и древнесеверогерманского, с другой стороны, может быть вынесена за рамки данного специфического эпизода. Досон [Dawson 2003] убедительно показала, что определяющий фактор устойчивого влияния древнесеверогерманского на структуру и базовую лексику английского языка заключался не столько в количестве данов, поселившихся в Англии, и не в длительном периоде контактов, сколько в генетической и типологической близости двух языков, которая позволяла носителю одного языка понимать носителя другого без изучения соответствующего языка. Она справедливо называет конвергенцию, обусловленную данным типом контакта, койнеизацией (*koineization*), а также подчеркивает тот факт, что очень часто в подобных случаях сложно провести границу между заимствованиями в буквальном смысле и контактно-стимулированной модификацией языковых элементов, которые уже были доступны в подвергнувшемся влиянию языке. Данный подход позволяет объяснить, почему присутствие норманнов в средневековой Франции или завоевание Англии ассимилированными франкоязычными норманнами не привело к сопоставимой структурной конвергенции: отсутствие взаимопонимания между носителями романских и германских языков препятствовало образованию нового койне⁵¹.

⁵⁰ Джозефсон предположил, что хетт. $=du(=za)$ представляло собой реликтовую аккузативную клитику, исконная функция которой перешла к дативной клитике $=(t)ta$ [Houwink ten Cate, Josephson 1967: 136–137]. Эта гипотеза опровергается прямым соответствием между хетт. $=(t)ta$ и и.-е. аккузативной клитикой $*=te$.

⁵¹ Единственным членом стословника Сводеша, заимствованным в английский из французского, является слово *mountain* 'гора', мало применимое к ландшафту юга Англии (в отличие от исконного *hill* 'холм').

Если принять, что прахетты и пралувийцы в достаточном количестве жили бок о бок и интенсивно контактировали друг с другом на своих родных языках в определенный период вскоре после их генетического разделения, то легко представить себе ситуацию, при которой новые поколения носителей в контактной зоне стали бы воспринимать эти два близкородственных диалекта как стилистические варианты одного кода. Если носители хеттского языка представляли собой на данной территории большинство, то разумно ожидать, что хеттские элементы преобладали бы в *койне* этого региона. Но при этом не накладываются никакие ограничения на классы слов, которые могли заимствоваться из лувийского. Единственное возможное обобщение заключается в том, что формально более простые и функционально более прозрачные элементы обладали бы лучшей возможностью проникнуть в новое *койне*. Так, можно предположить, что последовательности $*=tu=tē$ было бы отдано предпочтение в сравнении с комплексом $*=te=tē$, что связано с необходимостью различать два фонетически сходных клитических местоимения. Интерпретационная сила подобного объяснения не должна переоцениваться: мы не способны делать точные предсказания по поводу элементов, которые заимствовались бы в *койне* в определенной контактной ситуации. Сравнение со средневековой Англией было сделано, скорее, чтобы подчеркнуть, что *любые* базовые лексические элементы могут быть замещены заимствованиями из близкородственного языка в контексте койнеизации.

Рассмотренные явления грамматической интерференции не являются единственным аргументом в пользу смежности хеттского и лувийского ареалов в историческую эпоху. Как уже упоминалось, древнехеттские тексты содержат многочисленные лексические заимствования из лувийского языка. Лувийские личные имена появляются в староассирийских торговых табличках, написанных в XX—XVIII вв. в Канеше, колыбели хеттского языка. Лувийские заклинания иногда вставлялись в древнехеттские магические ритуалы, а страна Лувия упоминается в Древнехеттских Законах как регион, находящийся под хеттской юрисдикцией. Однако необходимо подчеркнуть статистическую природу подобной аргументации, чьи отдельные элементы остаются уязвимыми для критических атак. Лексические заимствования могут происходить между удаленными в географическом плане языками, лувийские торговцы могли иногда выезжать за пределы своей родины в поисках выгодных сделок, а хеттское завоевание удаленной Лувии в период раннего Древнего Царства может теоретически представлять краткосрочный эпизод, подобный завоеванию и разграблению Вавилона хеттским царем Мурсили I.

Заимствование грамматических морфем представляет собой свидетельство совсем иного рода. Грамматическая интерференция между различными языковыми кодами должна обуславливаться двуязычным окружением. В обществах, не имеющих СМИ и не пожинаящих плоды обязательного образования, ситуация устойчивого двуязычия может возникнуть только между соседними диалектами. Следовательно, достаточно привести доказательства в пользу хотя бы одного случая грамматического заимствования, чтобы сделать заключение о географической близости двух древних языков во время, когда такое заимствование имело место. Поэтому можно сделать вывод о длительности сосуществования между хеттами и лувийцами в смежных ареалах. Если следовать общему мнению, согласно которому местная прародина хеттов растянулась вдоль верхнего и среднего течения реки Галис [Melchert 2003a: 15], это противоречит часто высказываемой гипотезе о переселении лувийцев из западной Анатолии в центральную часть полуострова на заре исторической эпохи (напр., [Bryce 2003]). Прародину лувийцев следует искать в центральной Анатолии.

Слова, входящие в этот список, которые либо были заимствованы из древненорвежского, либо испытали влияние данного языка, — это по меньшей мере *die* ‘умирать’, *egg* ‘яйцо’, *give* ‘давать’ и *sky* ‘небо’.

Литература

- Гамкрелидзе, Т. В, Иванов, В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. [Gamkrelidze, Tamaz V. and Vyacheslav V. Ivanov. 1984. *Indojeuropejskij jazyk i indoev-ropejcy*. Tbilisi: Tbilisi State University.]
- Шеворошкин, В. В. *Лидийский язык*. Москва: Наука, 1967. [Shevoroshkin, Vitalij V. 1967. *Lidijskij Jazyk*. Moscow: Nauka.]
- Якубович, И. С. Лувийский язык // *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии* / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М.: Academia, 2013, 109—136. [Yakubovich, И. С. 2013. Luvijskij jazyk. *Jazyki mira: Reliktovyje indoev-ropejskije jazyki perednej i centralnoj Azii*. J. Koryakov and A. Kibrik (eds). Moscow: Academia, 109—136.]
- Adiego Lajara, Ignacio-Javier. 2001. Lenición e acento en protoanatolico. *Anatolisch und Indogermanisch: Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft. Pavia, 22.—25.September 1998*. O. Carruba and W. Meid (eds.). Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 11—18.
- Alp, Sedat. 1991. *Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük*. TTKY VI/35. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- Anderson, Gregory D. S. and Olga Gurevich. 2005. Towards the typology of version: formal and functional perspectives. *Proceedings of the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society* 41/1: 1—15.
- Boley, Jacqueline. 1993. *The Hittite Particle -z/-za*. Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Brosch, Cyril. 2014. *Untersuchungen zur hethitischen Raumgrammatik*. Berlin: de Gruyter.
- Bryce, Trevor. 2003. History. *The Luwians*. H. Craig Melchert (ed.). Leiden-Boston: Brill, 27—127.
- Carruba, Onofrio. 1964. Hethitisch *-asta-*, *-(a)pa-* und die anderen Ortspartikel. *Orientalia* (New Series) 33: 405—436.
- Carruba, Onofrio. 1969. *Die satzeinleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens*. Roma: Ateneo.
- Carruba, Onofrio. 1970a. Di nuove e vecchie particelle anatoliche. *SMEA* 12: 68—87.
- Carruba, Onofrio. 1970b. *Das Palaische: Texte, Grammatik, Lexikon*. StBoT 10. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Carruba, Onofrio. 1972. *Beiträge zum Palaischen*. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten.
- Carruba, Onofrio. 1992. Die Endungen auf *-ti* des hethitischen Mediums. *Studii Micenei e Egeo-Anatolici* 29: 15—31.
- Cotticelli Kurras, Paola and Alfredo Rizza. 2013. Reconstructing Indo-European categories: the reflexive and the middle in Hittite and in the Proto-Language. *Journal of Historical Linguistics* 3/1: 7—27.
- Cowgill, Warren. 1965. Evidence in Greek. *Evidence for Laryngeals*. Ed. W. Winter. London: Mouton & Co., 142—180.
- Dawson, Hope. 2003. Defining the Outcome of Language Contact: Old English and Old Norse. *Ohio State University Working Papers in Linguistics* 57: 40—57.
- Eichner, Heiner. 1974. *Untersuchungen zur hethitischen Deklination* (Dissertation Teildruck). Erlangen.
- Eichner, Heiner. 2010. *Laudatio hostiae* und *laudatio victimae* in Palaischen. *Studia Anatolica in memoriam Erich Neudicata*. R. Lebrun and J. de Vos (eds.). [Hethitica 16]: 39—58.
- Fortson, Benjamin W. IV. 2004. *Indo-European Language and Culture: an Introduction*. Oxford: Blackwell.
- Frotscher, Michael. 2012. Die luwischen Entsprechungen der hethitischen Verben des Typs *dāi-* / *tijanzi* und ein neues Lautgesetz urindogermanisch **oj* > urluwisch **ue*. *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction* 9: 137—194.
- Garrett, Andrew. 1991. The Lycian Nasalized Preterite. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 52: 15—26.
- Garrett, Andrew. 1996. Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite. *Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena*. A.L. Halpern and A. W. Zwicky (eds.). Stanford: CSLI Publications, 85—133.
- Goedegebuure, Petra. 2007. The Hieroglyphic Luwian Demonstrative Instrumentals *zin* and *apin*. *VI Congresso Internazionale di Ittologia, Roma, 5—9 settembre 2005*. A. Archi and R. Francia (eds.). [SMEA 49]: 319—334.
- Gusmani, Roberto. 1964. *Lydisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter.
- Gusmani, Roberto. 1969. Sul samekh lidio. *Athenaeum* 47: 136—143.
- Gusmani, Roberto. 1971. Lydisch *-im* "Ich bin". *Die Sprache* 17/1: 1—7.
- Gusmani, Roberto. 1986. *Lydisches Wörterbuch: Ergänzungsband. Lieferung 3*. Heidelberg: Winter.

- Güterbock, Hans G. 1983. Noch einmal die Formel *parnašša šuwaizzi*. *Orientalia* 52: 73—80.
- Hawkins, J. David. 1992. The Inscriptions of the Kızıldağ and the Karadağ in the light of the Yalburt Inscription. *Hittite and other Anatolian and Near Eastern Studies in Honour of Sedat Alp*. Ekrem Akurgal et al. (eds.). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 260—275.
- Hawkins, J. David. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luvian Inscriptions*. Volume I. Part I, II: Texts; Part III: Plates. Berlin — New York: W. de Gruyter.
- Hoffner, Harry. 1969. On the Use of Hittite *-za* in Nominal Sentences. *JNES* 28/4: 225—30.
- Hoffner, Harry. 1997. *The Laws of the Hittites: a Critical Edition*. DMOA 23. Leiden: Brill.
- Hoffner, Harry and H. Craig Melchert. 2008. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.
- Hopper, Paul J. and Sandra A. Thomson. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language* 56/2: 251—299.
- van den Hout, Theo. 2002. Self, Soul and Portrait in Hieroglyphic Luvian. *Silva Anatolica. Anatolian Studies Presented to Maciej Popko on the Occasion of his 65th Birthday*. Piotr Taracha (ed.). Warsaw: Agade. pp. 171—186.
- van den Hout, Theo. 2006. Institutions, Vernaculars, Publics: The Case of Second Millennium Anatolia. *Margins of Writing, Origins of Culture. New Approaches to Writing and Reading in the Ancient Near East*. Seth Sanders (ed.). Oriental Institute Press, forthcoming.
- Houwink ten ten Cate, Philo H.J. and Folke Josephson. 1967. Muwatallis' Prayer to the Storm-God of Kummanni. *Revue Hittite et Asiatique* 25: 101—140.
- Jasanoff, Jay H. 2003. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford University Press.
- Josephson, Folke. 2003. The Hittite Reflexive Construction in a Typological Perspective. *Language in Time and Space. A Festschrift for Werner Winter on the occasion of his 80th Birthday*. B. Bauer and G.-J. Pinault (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 211—232.
- Kammenhuber, Annelies. 1955. Zu den altanatolischen Sprachen: Luwisch und Paläisch. *OLZ* 50/8—9: 352—378.
- Kammenhuber, Annelies. 1959. *Das Palaische: Texte und Wortschatz*. *Revue Hittite et Asiatique* 17: 1—92.
- Kassian, Alexei. 2002. Glossary of Verbal Forms and Derivatives from Published Old Hittite Texts. *Anatolian Languages*. Vitaly Shevoroshkin and Paul J. Sidwell (eds.). Canberra: Association for the History of Language, 72—136.
- Katz, Joshua. 1998. *Topics in Indo-European Personal Pronouns*. Harvard University PhD dissertation.
- Kimball, Sara. 1999. *Hittite Historical Phonology*. Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Kühne, Cord. 1988. Über die Darstellung der hethitischen Reflexivpartikel *-z*. *Documentum Asiae Minoris Antiquae. Festschrift für Heinrich Otten zum 75. Geburtstag*. Erich Neu and Christel Rüster (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz, 203—233.
- Kuryłowicz, Jerzy. 1964. *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Carl Winter.
- Laroche, Emmanuel. 1959. *Dictionnaire de la langue louvite*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Mazoyer, Michel. 2003. *Télipinu, le dieu au marécage. Essai sur les mythes fondateurs du royaume hittite*. Paris: L'Harmattan.
- Meier-Brügger, Michael. 2000. *Indogermanische Sprachwissenschaft*. Seventh, fully revised edition. Berlin — New York: Walter de Gruyter.
- Melchert, H. Craig. 1984. Notes on Palaic. *KZ* 97: 22—41
- Melchert, H. Craig. 1988. “Thorn” and “Minus” in Hieroglyphic Luvian. *Anatolian Studies* 38: 29—42.
- Melchert, H. Craig. 1991. The Lydian emphasizing and reflexive particle *-ś / is*. *Kadmos* 30: 131—142.
- Melchert, H. Craig. 1994. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
- Melchert, H. Craig. 2003a. *Prehistory*. The Luvians. H. Craig Melchert (ed.). Leiden-Boston: Brill. Pp. 8—26.
- Melchert, H. Craig. 2003b. *Language*. The Luvians. H. Craig Melchert (ed.). Leiden-Boston: Brill. Pp. 170—210.
- Melchert, H. Craig. 2004a. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor — New York: Beech Stave Press.
- Melchert, H. Craig. 2004b. Second Thoughts on **y* and **h₂* in Lydian. *Studia Anatolica et Varia. Mélanges offerts au Professeur René Lebrun*. M. Mazoyer and A. Casabonne (eds.). Paris: L'Harmattan. Vol. 2, 139—150.
- Melchert, H. Craig. 2005. The Problem of Luvian Influence on Hittite. *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.—23. September 2000, Halle an der Saale*. G. Meiser and O. Hackstein (eds.). Wiesbaden: Reichert, 445—59.
- Melchert, H. Craig. 2011. *Enclitic Subject Pronouns in Hieroglyphic Luvian*. *Aramazd (Armenian Journal of Near Eastern Studies)* VI/2: 73—86.

- Mel'čuk, Igor. 2001. *Communicative organization in natural language*. Studies in Language Companion Series 57. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- del Monte, Giuseppe F. 1981. Note su trattati fra Hattuša e Kizzuwatna. *Oriens Antiquus* 20: 203—221.
- del Monte, Giuseppe F. 1986. *Il trattato fra Muršili II di Hattuša e Niqmepa' di Ugarit*. OAI 18. Rome: Istituto per l'Oriente.
- Morpurgo-Davies, Anna. 1980/1981. The personal endings of the Hieroglyphic Luvian verb. *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung* 94: 86—108.
- Morpurgo-Davies, Anna. 1982/1983. Dentals, Rhotacism and Verbal Endings in the Luvian Languages. *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung* 96: 245—270.
- Mouton, Alice. 2008. Un nouveau joint relatif au culte de Lallupiya-Istanuwa. *ZA* 98: 251—261.
- Neu, Erich. 1968. *Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen* (Studien zu den Boghazköy-Texten 6). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Neu, Erich. 1980. *Althethitische Ritualtexte in Umschrift*. StBoT 25. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Oettinger, Norbert. 1979. *Die Stammbildung des Hethitischen Verbuns*. Nürnberg: H. Karl.
- Oettinger, Norbert. 1997. Der Partikel -z des Hethitischen' (mit einem Exkurs zu den Medialformen auf -t, -ti)». *Berthold Delbrück y la sintaxis indoeuropea hoy*, E. Crespe and J. L. García-Ramón (eds.). Madrid: Ediciones de la UAM / Wiesbaden: Reichert, 407—420.
- Oreshko, Rostislav. 2013. The Achaean Hides Caged in Yonder Beams: The Value of Hieroglyphic Luwian Sign *429 Reconsidered and a New Light on the Cilician Ahhiyawa. *Kadmos* 52/1: 19—33.
- Oshiro, Terumasa. 1993. Notes on Hieroglyphic Luvian. *Orient* 29: 45—56.
- Otten, Heinrich. 1973. *Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa*. StBoT 17. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Otten, Heinrich. 1981. *Die Apologie Hattušiliš III. Das Bild der Überlieferung*. StBoT 24. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Pedersen, Holger. 1938. *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*. Copenhagen: Munksgaard.
- Rieken, Elisabeth. 2004/5. Das Präteritum des Medio-Passivs im Hieroglyphen-Luvischen. *Historische Sprachforschung* 118: 179—88.
- Rieken, Elisabeth and Ilya Yakubovich. 2010. The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172. *Ipamati kistamati pari tumatimis: Luwian and Hittite Studies presented to J. David Hawkins on the occasion of his 70th birthday*. I. Singer (ed.). Tel-Aviv: Institute of Archaeology, 199—219.
- Sidel'tsev, Andrej. 2002. Inverted Word Order in Middle Hittite. *Anatolian Languages*. Vitaly Shevoroshkin and Paul J. Sidwell (eds.). Canberra: Association for the History of Language, 137—188.
- Starke, Frank. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. StBoT 30. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Starke, Frank. 1990. *Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens*. StBoT 31. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Tekoğlu, Recai and André Lemaire. 2000. La Bilingue Royale Louvito-Phénicien de Çineköy. *Comptes Rendus de L'Académie des Inscriptions* 2000: 961—1006.
- Thomason, Sarah J. 2001. *Language Contact: an Introduction*. Washington: Georgetown University Press.
- Tischler, Johann. 1994. *Hethitisches Etymologisches Glossar*. Lieferung 10 T,D/3. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Watkins, Calvert. 1978. A Palaic Carmen. *Linguistic and Literary Studies in Honor of Archibald A. Hill*. M. A. Jazayery et al. (eds.). The Hague: Mouton. Vol. 3, 305—314.
- Watkins, Calvert. 2004. Hittite. *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Roger D. Woodard (ed.). Cambridge University Press, 551—575.
- Yakubovich, Ilya. 2002. Nugae Luvicae. *Anatolian Languages*. Vitaly Shevoroshkin and Paul J. Sidwell (eds.). Canberra: Association for the History of Language, 189—209.
- Yakubovich, Ilya. 2005. Were Hittite Kings Divinely Anointed? *JANER* 5: 109—139.
- Yakubovich, Ilya. 2006. Lydian Etymological Notes. *Historische Sprachforschung* 118/1—2: 75—91.
- Yakubovich, Ilya. 2010. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Leiden: Brill
- Yoshida, Kazuhiko. 1990. *The Hittite Medio-passive endings in -ri*. Berlin — New York: Walter de Gruyter.
- Yoshida, Kazuhiko. 1998. Hittite verbs in -Vzi. *Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology*. Sedat Alp (ed.). Ankara: Grafik, Teknik Hazırlık Uyum Ajansı, 605—614.
- Yoshida, Kazuhiko. 2001. Hittite nu-za and Related Spellings. *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4—8 Oktober 1999*. (Studien zu den Boghazköy-Texten 45). Gernot Wilhelm (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz.

Илья Yakubovich. The genesis of Anatolian clitic reflexives.

This paper seeks to trace the origin of Luwian, Palaic, Lydian and Hittite reflexive clitics, having no conclusive Indo-European etymologies. Using the Luwian data as a logical starting point, it is possible to demonstrate that the Anatolian reflexive pronouns and particles uniformly evolved from Proto-Indo-European dative pronominal clitics. A separate result of this work is the substantiation of structural interference between the Hittite and Luwian languages in the prehistoric period, which influenced the genesis of the Hittite reflexive particle =z(*a*).

Keywords: Anatolian languages, Hittite, Luwian, reflexive pronouns, language contact.

